

Нестор-летописец и его «Повесть временных лет...»

Михаил Антонов, Москва

900 ЛЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО

БЕСПАМЯТСТВА

В 2017 ГОДУ ИСПОЛНИТСЯ 900 ЛЕТ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ РАБОТЫ НАД «ПОВЕСТЬЮ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ...», НАЧАТОЙ СВЯТЫМ МОНАХОМ НЕСТОРМ-ЛЕТОПИСЦЕМ И ЗАВЕРШЁННОЙ МОНАХОМ СИЛЬВЕСТРОМ. НО ДО СИХ ПОР ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПОЧЕМУ-ТО НЕ ЗАМЕЧАЮТ ГЛАВНОГО В НЕЙ. ТАК ЧТО НЕ БУДЕТ ОШИБКОЙ СКАЗАТЬ, ЧТО «ПОВЕСТЬ...» ОСТАЁТСЯ ДО СИХ ПОР НЕПРОЧИТАННОЙ

В

2017 году исполнится 900 лет со дня окончания работы над «Повестью временных лет...», начатой святым монахом Нестором-летописцем и завершённой монахом Сильвестром. И все эти 900 лет терзают историки эту «Повесть...» - самый древний из дошедших до нашего времени письменный летописный источник по отечественной истории. Сотни книги и диссертаций написаны о ней, но их авторы почему-то не замечают главного в ней. Так что не будет ошибкой сказать, что «Повесть...» остаётся до сих пор непрочитанной.

ГЕРМАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО РУСЬ

Чем объяснить такую слепоту учёнейших мужей и дам - боязнь навлечь гнев власть предержащих или негодование «патриотического» общественного мнения, корыстными соображениями или слепым преклонением перед устоявшейся традицией, не знаю. Но факт остаётся фактом: историки замалчивают печальную страницу отечественной истории - **более чем трёхвековой период германской оккупации Новгородско-Киевской страны и жестокой эксплуатации проживавших на этой территории славян и союзных с ними угро-финских племён**. А ведь именно с начала этого периода Нестор-летописец и начинает изложение событий собственно отечественной истории.

Тогда не было ещё ни русских, ни украинцев, а существовали основанные германскими завоевателями государство Русь и поработанные ими славянские и угро-финские племена. Нестор подробно описывает, как в 862 году возникло это паразитическое государство:

Германские племена, точнее, их шайки морских разбойников-викингов, совершавшие дальние морские походы, в течение нескольких столетий наводили ужас на население приморских районов европейских стран. На Западе их называли норманнами, новгородцы, которые чаще всего из наших предков сталкивались с братьями викингов, разбойниками, грабившими лишь близлежащие страны - варягами. И двигала ими жажда обладания сокровищами.

Но, богатство, добываемое таким трудом, с опасностью для жизни, так же легко и тратилось. Вождь, собиравший дружину, по возвращении из похода щедро разбрасывал добытое золото, чтобы привлечь к себе новых сподвижников.

В викинге и в варяге ценились не богатство и не предпринимательские качества, а храбрость и щедрость. Главным для них была слава и красивая смерть, чтобы потомки помнили их и восхищались ими. Религия викингов и варягов обещала воину, павшему в бою, что он попадёт в рай (Валгаллу) и войдёт в небесную дружину бога войны Одина. Викинг или варяг станет образцом героя для многих поколений германцев (а в большой мере - и для первых князей-Рюриковичей).

Вот эти варяги не раз опустошали земли новгородцев (назовём так этих славян, хотя Новгород, как крупный город и торговый центр, возник позже). Но обычно варяги встречали отпор. А в 862 году сложилась ситуация, при которой новгородская знать сочла выгодным пригласить варяга Рюрика на княжение. Потому что, отбив очередное нападение варягов и отказавшись платить им дань, они попытались управлять своими делами сами, но, как это часто бывало у славян, скоро в их среде начались раздоры, приведшие к междоусобной войне. И тогда, во избежание самоистребления, сказали себе новгородцы:

«Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а ещё иные готландцы, -- вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет.

Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, на Белоозере, а третий, Трувор, - в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля». (В данной работе все цитаты выделены курсивом. Сноски на заимствования из литературных источников даются в тексте. Безымянные материалы из Интернета и из Википедии излагаются без сносок.)

Князья, рыцари - верхи западноевропейского общества - нигде не смешивались с туземным населением покорённых стран, это было бы для них умалением царского или рыцарского достоинства. Даже в Польше до XVIII века шляхтич (дворянин), женившийся на девушке из простонародья, выпадал из приличного общества, а их дети лишались шляхетского достоинства (без чего им оставалась лишь карьера свинопаса или батрачки).

Большинство российских историков считает Рюрика и его племя русов скандинавами. А варягами были не только скандинавы, но и фризы. В IX веке существовало маркграфство Фрисландия (сейчас это провинция Нидерландов), занимавшее узкую полосу земли на берегу Северного моря и Фризские острова, которые тянутся от Голландии до Дании. По одной из средневековых европейских хроник, в 862 году племя русов во главе с вождём Хродриком Хафдарсоном, сыном фрисландского маркграфа, овладело Новгородом. Хродрик (в древнерусских летописях Рюрик) стал его правителем. (Последнее по времени упоминание об этом - см. в «Независимой газете» за 18.03.1998). Имена десятков других германских завоевателей - Ингвар (сын Рюрика, по-славянски Игорь), Хельги (Олег), их вельмож и дружинников - тоже германские, скорее всего - фризские. (Фризы, как национальное меньшинство, существуют и до сих пор.) Алексей Бычков в книге «Киевская Русь: страна, которой не было?» показал, что одно из славянских племён в Западной Европе было онемечено и получило название «русь». Украинский историк Олесь Бузина (недавно убитый украинскими националистами) в своей «Тайной истории Украины» считает варягов шведами. Они и передали славянам то имя, которым финны называли самих шведов - Рутси. Славяне переделали это слово в Русь. В конце концов, не так уж важно, был ли Рюрик скандинавом или фризом, - и тот, и другой были германцами и разбойниками.

Итак, Нестор утверждает, что в 862 году власть в Новгороде захватили германцы (варяги). России тогда не существовало, и само название «Русь», согласно «Повести временных лет», принесли завоеватели - фризы из племени русов или скандинавы. (Этот момент ныне признан известными историками - как российскими, так и украинскими) Точно так же Франция носит название не Галлии, по имени коренного населения - галлов, а по названию завоевателей - франков. То же можно сказать и о названии Болгария и пр. Из германских племён не одни франки дали своё имя завоёванной ими стране. Бельги, тюринги, тевтоны, англй, саксы, лангобарды (Ломбардия) и другие германцы увековечили свои имена на карте Европы, и до сих пор основанные ими королевства передали по наследству свои названия возникшим на их территориях современным государствам или их провинциям.

А на Днепре, у самой границы с Дикой степью, был городишко Киев, где княжили тоже варяги, но не княжеского происхождения - Аскольд и Дир, бояре при Рюрике, отошедшие от него в поисках самостоятельной добычи. Киев платил дань хазарам. Существовала там и иудейская община, о чём свидетельствует сохранившийся до наших дней древнейший документ.

В Новгороде, этой мужицкой республике, Рюрику и его дружине было неуютно. Новгородцы, призвав варягов, обставили их власть и само пребывание там весьма строгими ограничениями. Варяги даже жить должны были не в самом городе, а за его чертой - в «Рюриковом городище». И после смерти Рюрика его родственник и регент при малолетнем наследнике умершего князя Игоре (Ингваре), Олег (Хельги), оставив в Новгороде наместника, прихватив с собой Ингвара, пошёл вниз по Днепру - этой части хорошо знакомого пришельцам-германцам водного

пути «из варяг в греки». Он обманом захватил Киев (убив Аскольда и Дира, именно как самозванцев, не принадлежавших к княжескому роду, благородному сословию) и сделал его своей столицей.

Когда историки говорят о призвании или «мирном» пришествии варягов на землю наших предков, они лукавят. «Мирно» призвали только Рюрика в Новгород. А Олег, укрепившись в Киеве, стал огнём и мечом принуждать ранее независимые славянские и финно-угорские племена к признанию его власти и уплате дани. Это были настоящие военные походы. В подтверждение этого приведу лишь несколько строк из «Повести временных лет...»:

«Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по чёрной кунице... Отправился Олег на северян, и победил их...» Воевал Олег с уличами и тиверцами и т.д. (особенно упорно сопротивлялись варягам вятичи – предки будущих великороссов). *«Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно...»*. Те славянские племена, что платили дань хазарам, заставил платить ему. И властвовал над покорёнными славянами, а с непокорными воевал.

Это нашествие продолжили, причём с неслыханной жестокостью, преемники Олега. Достаточно прочитать, как жестоко Ольга истребляла элиту древлян и как она сожгла их столицу, так что вряд ли кто из её жителей смог спастись от смертоносного огня. *«Вятичей победил Святослав и дань на них возложил». «победил Владимир вятичей (кажется, ранее уже дважды покорённых) и возложил на них дань с каждого плуга, как и отец его брал... Поднялись вятичи войною, и пошёл на них Владимир и победил их вторично.» «Пошёл Владимир на радимиче» и победил их.*

Так германцы Рюрикoviчи стали правителями государства, вошедшего в историю под названием «Киевская Русь» (оно было дано историками, современники же его так не называли). Славяне часто бунтовали, князьям приходилось подавлять эти бунты. Земли некоторых славянских племён им приходилось усмирять и даже завоёвывать повторно. О том, что означало для древних славян (вместе с чудью, весью и другими угро-финскими племенами, входившими в состав новгородских земель) подчинение германским завоевателям, рассказывает в статье Михаила Саяпина «Германский вопрос в истории Европы и России». Приведу лишь несколько положений этой очень важной работы.

«В результате германские завоевания, - пишет М. Саяпин, - сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, живший на двух столпах:

1. *господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род – пришлый в этих краях;*
2. *господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности.*

Германская система землевладения фактически восстановила рабство».

Замечу от себя, что германцы, с их точки зрения, имели на это моральное право. Они действительно были пришлыми и не имели с населением завоёванных земель ничего общего. После свержения ими последнего римского императора земли империи оказались как бы бесхозными. Были там какие-то муниципальные власти, но что они значили перед лицом хорошо организованных и прекрасного вооружённых орд закалённых в боях германцев-завоевателей?

Сегодня не принято вспоминать, что процветание Киева (как и Новгорода) было связано не только с экспортом мехов, зерна, мёда, воска, но и с работорговлей. В некоторые времена рабы были даже основным товаром, предлагавшихся русами на международный рынок. И в рабы всё чаще стали попадать славяне и угро-финны, проживавшие на землях Рюрикoviчей.

По М. Саяпину, германцы установили в Европе понятие благородного человека - господина, кто имеет рабов. И если он по происхождению не имеет со своими подданными ничего общего, то и воспринимается как представитель принципиально иной, высшей расы, лишь в какой-то степени внешне схожей с породой зависимых людей. Вот и на Киевско-Новгородских землях утвердилась княжеская династия германского происхождения, отношения которой с туземцами отличали невероятный апломб, огромная родовая спесь, чувство природного превосходства благородного рода над местным беспородным населением, так сказать, над дворняжками в человеческом облике. Даже летописи, проходившие строжайшую цензуру князей, сохранили множество эпизодов, свидетельствующих о надменности германских властителей. Вот один из них.

Князя Святополк и Владимир Мономах призвали Олега, много раз нарушавшего мир: *«Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых»*. Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: *«Неприсстойно судить меня епископу или игуменам, или смердам»*. Итогом же стала очередная война с большими человеческими жертвами и материальными потерями... Но это я забежал несколько вперёд.

Рюрикoviчи стали замкнутой кастой, культивировавшей при своих дворах особую культуру, слабо связанную с культурой местного, в большинстве славянского, населения. Киевские князья демонстративно заключали династические браки исключительно с представителями знатных королевских родов Запада или ханских родов Востока, пренебрегая местными. Князья рангом помельче заключали браки между княжескими родами, но опять-таки не смешиваясь со славянами.

Строго говоря, варяги не были в этом оригиналами, германские завоеватели всюду вели себя точно так же. Это отмечали ещё славянофилы (странно только, что они не увидели подтверждения своих тезисов в истории собственной страны). Об этой особенности европейских государств, возникших из германских завоеваний, писал И.В. Киреевский: *«Общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племён: из угнетения завоевателей, из противодействия завоёванных и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоразмерных сил»* (Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 258).

ОСОБЕННОСТИ ЗАВОЕВАНИЯ РУСИ ГЕРМАНЦАМИ

Но и после завоевания земель славянских племён считать это население покорённым было бы легкомыслием. Сбор налогов (то есть дани) тоже проходил как военная операция. *«Пошёл Игорь на древлян (якобы уже покорённых) и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой»*.

Хотя и при завоевании Руси варяги (и в целом, и в отношении к покорённому населению) остались германцами, всё же им пришлось приспосабливаться к местным условиям.

Ведь прежде варяги жили только грабежом, совершая набеги на земли своих жертв, а затем возвращались в родные пенаты, где зализывали раны и пополняли ряды своих ватаг, замещая погибших. Исключений из этого правила было немного. Так, викинги, ограбив приморскую провинцию Франции, основали там герцогство Нормандия (затем в 1066 году нормандский герцог завоевал Англию). Основали они своё государство и на юге Италии. И вот варягам, пришедшим на Русь, досталась огромная страна, которой в Европе не было равных ни по размерам, ни по богатству. Но всё же первые варяжские киевские князья – и Олег, и Игорь, и даже впоследствии Ярослав Владимирович - совершали набеги на морских судах на Константинополь. Славяне и прежде были не прочь пограбить Византию. И Олег, эксплуатируя славянские племена, облагая данью, сумел, используя их

грабительские инстинкты, сплотить их в подобие единого войска ради овладения столицей Византии.

Относительно небольшое варяжское войско могло подчинить себе не только грубой силой. На примере Олега видно, что он был неплохим организатором. Славяне, которые совершали набеги на соседние страны и даже на Византию, делали это от случая к случаю, «по-любительски». Явившиеся германцы представляли собой постоянно действующую военную машину, демонстрируя более высокий тип военной организации (если можно так выразиться, более высокую культуру войны), а потому и производили впечатление более высокой расы, подавляя славян также и психологически.

Аскольд и Дир в 866 году уже совершили набег на Константинополь, убили много христиан в его окрестностях. Но по молитвам императора и патриарха, которые вынесли божественную ризу Святой Богородицы и омочили в море её полу, внезапно начавшаяся буря разметала корабли русов так, что немногим из них удалось вернуться домой. Словом, пошли по шерсть, а вернулись стрижеными.

Олег же в 907 году отправился в поход на конях и на кораблях на Царьград. *«И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств совершил в окрестностях города грекам, и разбил множество палат, и церкви пожгли»*. На этот раз греки испугались и запросили мира, обещая выплатить богатую дань.

«Олег... начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемиды» (как видим, всё чистейшие славяне... германского происхождения). Так был заключён мир. И сказал Олег: *«Сшейте для руси паруса из паволок (драгоценной ткани), а славянам копринные (попроще) – и было так. И повесил щит свой на вратах в знак победы и пошли от Царьграда... И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега вещим, так как были люди язычниками и непросвещёнными»*. Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими - и опять в составе расширенной делегации ни одного славянского имени, только германцы. Они занимали и высшие придворные должности, и руководили княжескими дружинами.

Святослав пытался достичь Царьграда по суше, через Болгарию, но не преуспел. И лишь со временем киевские князья осознали, что, имея такую богатую страну, можно не тратить усилия на морские набеги (тем более, что они подчас кончались неудачей - как у Аскольда и Диры, в первом походе Игоря на Царьград, когда русские суда были сожжены «греческим огнём», и позднее у Ярослава Владимировича), получать многократно большее богатство, облагая данью местное население и продавая добытое (в том числе и рабов) на мировом рынке (например, в Византии или в Западной Европе). Рюриковичи устроились на Руси по-хозяйски. Они ставили города, которые служили опорными пунктами как для защиты от внешних вторжений, так и для удержания под контролем покорённых славянских племён. Часто князья называли построенные ими города своим именем или именами сыновей (Ярослав, Юрьев, Львов, Владимир и т.п.). Русь (при Владимире) приняла христианство, причём именно в восточном, православном виде. Это отличало их от других германских завоевателей, которые почти все оказались в ареале католицизма, хотя часто и в еретическом его варианте (арианство и др.). И Киев стал также украшаться великолепными храмами, претендовать на звание «второго Константинополя». Рюриковичи охраняли независимость доставшейся им страны, стремились расширять её пределы, пеклись об её международном авторитете, часто вмешиваясь в дела соседних государств (воевали с поляками, чехами, венграми, болгарам и др.), стремились и у себя готовить грамотных людей, необходимых для управления столь громадным государством.

А.П. Прохоров в книге «Русская модель управления» (М., 2002) показывает, почему на Руси не годился опыт эксплуатации германцами туземного населения, приобретённый в Западной Европе. Например, дикие

франки захватили богатую римскую провинцию Галлию. Они застали там многочисленное порабощённое население, за долгие века привыкшее к тому, что им командуют и его эксплуатируют. Там давно укоренились христианство и римское право, охранявшее частную собственность. Поэтому король мог раздавать землю в собственность рыцарям и даже франкам-крестьянам, «размазав» свою армию по всей стране. И каждый из завоевателей (скажем, один франк на целую деревню) спокойно эксплуатировал местное население на пожалованной ему земле. И лишь в случае войны эта «размазанная» по земле орда составляла многочисленную армию.

А на Руси тогда, во времена германского завоевания, не было ни христианства, ни развитой правовой системы и частной собственности, ни привычного к эксплуатации населения. Дружину нельзя было «размазать» по территории страны с тем, чтобы она кормилась на месте. Славянские племена до того не были никем покорены, не было традиции того, что они должны кого-то содержать. Забрать прибавочный продукт можно было только «полюдьем», явившись со всей дружиной. Подданные платили налоги лишь при угрозе непосредственного применения военной силы.

А варяги были жадны до богатства. Варяги - дружинники князя Игоря Рюриковича подбивали его на разбой: *«Отроки Свенельды (воеводы-варяге при Игоре, а позднее - у Ольги-Хельги) изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдём, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам»*. И послушал их Игорь – пошёл к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взъяв дань, пошёл он в свой город. Когда же шёл он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: *«Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю ещё»*. И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства».

Ну, и как же должны были принять его древляне?

«Древляне же, услышав, что идёт снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьём его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: *«Зачем идёшь опять? Забрал уже всю дань»*. И не послушал их Игорь, и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было её мало». А если вообще без дружины, один воин на целую деревню, как на Западе? Нет, на Руси подданные не готовы были добровольно кормить всю эту княжескую братву.

Жаждали князья и их дружинники, как все германцы, не только богатства, но и славы. Всем памятна строка о дружине, которая жаждет *«себе чести, а князю славы»*.

Великий князь Святослав Игоревич, разгромив Хазарию и одержав ряд других блистательных побед, отправился в поход на Балканы, едва не потеряв собственную столицу – Киев, подвергшийся нападению печенегов. По счастливой случайности один из киевлян сумел выбраться из осаждённого города и сообщить Святославу о нападении печенегов. Вернувшись и прогнав печенегов, *«сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы»*. Особенно поражает это последнее слово: из Руси, государства русского князя, поступают рабы! Как известно, затея Святослава окончилась для него плачевно, сам он почти со всей своей дружиной был убит печенегами.

Князья перешли на славянский язык. Стали именоваться не только по владению, но и по имени-отчеству. (Конечно, выбирали себе и детям своим не простонародные славянские имена вроде Добрыни или Вышаты, а аристократические: Святослав, Ярослав, Брячислав, Святополк и т.п., возможно, на польский манер, где были короли Болеславы.) Старательно внедряя родовое начало и противопоставляя его местной «беспородной» общинной традиции, владение самой Русской землёй Рюриковичи

были вынуждены организовать на началах именно... территориальной общины: Киевская Русь до самого своего конца осталась совместным владением рода князей Рюриковичей. Среди них не было сюзеренов и вассалов, они все были соправителями Руси, и каждый из них (кроме изгоев) в принципе мог стать великим князем, который считался лишь «первым среди равных». После смерти великого князя киевского великокняжеский стол переходил не к его старшему сыну, а к князю – старшему в роде, затем начиналось перемещение остальных удельных князей. Например, князь черниговский становился князем киевским, переяславский – черниговским и т.д. То есть, князь-Рюрикovich не был органически связан с землёй, которой владел, и зорко следил лишь за тем, чтобы при смене властителя в Киеве он не был ущемлён в своих правах. (Неоднократные попытки утвердить принцип «каждый владеет отчиною своею» ни к чему не привели.) При этом часто возникали споры из-за власти, которые приходилось разрешать военной силой, от чего страдало мирное население. Да и вообще, как все германские рыцари, они считали войну единственно достойным для человека благородного происхождения занятием, а повод для войны всегда найдётся. Опустошать землю князя-противника и уводить его людей в полон, «*грабить и продавать людей*» было обычным делом. В лучшем случае пленённых жителей селили на землях захватчика, в худшем - продавали в рабство: «*много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям*». Страшно читать в летописях об этих бессмысленных, кровопролитных и разорительных войнах, когда сотнями убивали мирных жителей, жгли города и сёла и даже святыни: «*Олег, подступив к городу, пожёг вокруг города и монастыри пожёг... повелел зажечь Суздаль город...*». «*Поднял рать в Полоцке Всеслав... и занял Новгород. Трое же Ярославичей... пошли на Всеслава... И подошли к Минску... взяли Минск и перебили всех мужей, а жён и детей взяли в плен... Всеслав пошёл против них... И была сеча жестокая, и многие пали в ней*». Одолели Ярославичи, Всеслав бежал. Ярославичи, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «*Приди к нам, не сотворим тебе зла*». Он прибыл, а они схватили его и двух его сыновей и посадили в темницу. Князя приводили на Русь в качестве союзников в междоусобных войнах половцев и других чужеземцев, и те грабили её: «*Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не прелятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навёл он поганых на землю Русскую...*». А уж забирать провиант у местных жителей считалось нормой. И в летописях появляются сетования: «*наша земля оскудела от войны и от продаж*».

Появились князья-изгои, отцы которых умерли, не став князьями киевскими. Им не нашлось места на этом пиру жизни, и они тоже пытались устроить своё счастье – отнять уделы у других князей. В споры князей вовлекались их родственники – владельцы соседних государств, которые тоже были не прочь поживиться за счёт мирного населения Руси. Князья Киевской Руси рассматривали принадлежащие им земли как свою собственность, они могли их дарить, давать в приданное дочерям и пр., естественно, даже не интересуясь при этом мнением населения.

Даже во время совместных военных походов у князей не было верховного главнокомандующего, а каждый из них действовал самостоятельно (пример – битва с ордынцами на реке Калке, закончившаяся столь печально). Прав был академик Рыбаков, писавший, что самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были её князья.

Не отрицая значения побед над внешними врагами и иных заслуг киевских князей, все же надо сказать, что коренные свойства викингов и варягов они сохранили в полной мере, особенно надменность в отношениях с туземцами, алчность и неуёмную жажду славы.

РЮРИКОВИЧИ - ГЕРМАНЦЫ: ОТ НАЧАЛА И ДО КОНЦА КИЕВСКОЙ РУСИ

Перейдя на славянский язык и приняв славянские аристократические имена, князья-Рюрикovich оставались

германцами. За всё время существования Киевской Руси на великокняжеском троне, как и в уделах, не было ни одного князя чисто славянского происхождения.

Олег, как и Рюрик, Игорь, рождённый ещё в Новгороде в семье Рюрика, были чистокровными германцами. Вдова Игоря Ольга (Хельга), происходившая, как полагают, из варяжского, но незнатного рода, проявляла себя не только умной, но и коварной правительницей, жестоко отомстившей древлянам за смерть мужа и за покушение местного хама, именовавшего себя князем древлян, на вхождение в круг благородных (он предложил Ольге-вдове выйти за него замуж). Её воеводами были германцы (Свенельд и Асмуд, воспитывавшие ещё её сына Святослава.) Святослав, хотя и носил аристократическое славянское имя, также был германцем. Поскольку он был язычник, то имел несколько жён. Известно лишь об одной из них, которая была то ли из печенегов, то ли из Венгрии. И детей у него было несколько, в летописи упоминаются Ярополк, Олег и Владимир. Святослав Русью мало интересовался. Он, как уже отмечалось, движимый жадной богатства и славы, хотел создать империю со столицей в болгарском Переяславце, но погиб, не достигнув цели.

Его сын Владимир по части родословное немного подкачал. Его матерью была не германская принцесса и даже не дочь половецкого хана, а Малуша - ключница княгини Ольги (Хельги), то есть он стал плодом развлечений своего отца с рабыней. Но у германцев родство считается по отцу, как и национальная принадлежность. Сын, рождённый вне брака, признавался законным, если таковым считал его отец. Поэтому Владимир считался тоже германцем и князем. Брат Малуши Добрыня впоследствии сыграл видную роль в завоевании Владимиром великокняжеского престола, на который больше шансов имели другие сыновья Святослава - Ярополк и Олег. Но они погибли в борьбе за власть, причём Олег пал в итоге неудачной для него битвы с Ярополком. А Ярополк пал жертвой заговора. Он шёл к Владимиру, чтобы примириться с ним, но варяжские дружинники Владимира убили его, когда он входил в палату на свидание с братом. Так Владимир стал единовластным владельцем Руси. Отцом Малуши и Добрыни был некто Мапк Любечанин. Иногда называют его сыном князя древлян Мала, дучиго Ольгой.

Владимир посватался к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде. Но она отказала ему именно потому, что был «сыном рабыни». Сам Рогволод тоже пришёл из-за моря. Его настоящее имя - Рагвальд, и был он явно германских кровей, так что такое соображение считал весьма важным. Рогнеда хотела выйти замуж за Ярополка, который был тогда великим князем киевским, хотя тот жил с красавицей-гречанкой Юлией, которую привёл ему отец. Разгневанный Владимир собрал большое войско и напал на Полоцк, убил Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду силой взял в жёны, когда её уже собирались вести за Ярополка.

Владимир до своего крещения был «побеждён вожделением», то есть известен непомерной любовью к прекрасному полу (попросту говоря, распутством). Став великим князем, наложниц содержал сотнями, причём гаремы содержал в разных городах. «*И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя (растлевая) девиц*». После того, как Владимир обманом заманил к себе своего брата Ярополка, киевского князя, убил его, и стал жить с женой брата гречанкой Юлией, которая уже была беременна. Но жил он с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому и не любил он своего сына Святополка, ибо он был от двух отцов: -от Ярополка и от Владимира.

Конец похоти Владимира положил его брак с византийской принцессой Анной, к которому он принудил императорский дом, захватив греческую колонию в Херсонесе. Византийский двор согласился на это требование, поставив условием крещение Владимира по православному обряду. Владимир не только крестился сам, но и крестил в 988 году всю Русь. Женившись на Анне, Владимир расторг свой брак с Рогнедой. Анна родила ему двух любимых сыновей Бориса и Глеба. Летописцы уверяют, что после крещения Владимир стал

усваивать христианские добродетели и изменил к лучшему весь свой образ жизни, и он признан святым равноапостольным князем.

Детей у Владимира было много (12 сыновей и много дочерей, не считая множество незаконнорождённых), и были они от разных жён (которые были различного этнического происхождения, в том числе чешка, болгарка и гречанка), так что не удивительно, что не все из них питали братские чувства к остальным. А потому не приходится удивляться и тому, что после смерти Владимира почти все его сыновья погибли в ходе борьбы за власть. Владимиру же принадлежит формулировка едва ли не основного закона древнерусской (а в значительной мере – и современной российской) жизни: «*Руси есть веселие пути*». Правда, в былинах его называют «Владимир Красно Солнышко». Однако, во-первых, ряд исследователей полагает, что в данном случае народ соединил в одном образе Владимира Святого и Владимира Мономаха, который действительно выделялся из среды Рюриковичей не только хитроумием, воинским искусством, государственным умом, но и человечностью (хотя позорных дел на его совести тоже было немало, в чём он каялся в своём «Поучении»). Во-вторых, в былинах неизменно Владимир и его дружина противопоставляются русским богатырям, им внутренне чуждым.

Сын Владимира Ярослав был чистым германцем и по отцу, и по матери (Рогнеде). С лёгкой руки Карамзина за ним утвердилось прозвище «Мудрый», хотя ни в одном историческом источнике подобной его характеристики не встречается. А шведские хроники называют его скупым. Им виднее: Ярослав был весьма дружен со скандинавами и в 1019 году Ярослав женился на дочери шведского короля Олава Шетконунга - Ингигерд, от которой у него было девять детей.

Ну, о детях Ярослава речь пойдёт дальше, а пока отмечу, что Ярослав ненавидел и отца (готовился даже к войне с ним, но она не состоялась, потому что Владимир внезапно заболел и умер), и его сыновей, своих братьев, особенно Святополка, поскольку отцом того был не то Владимир, не то Ярополк, но он имел, по старшинству, больше прав на престол. Воевал Ярослав и с другими своими братьями.

Считается, что Ярослав наследовал престол отца после того, как его брат Святополк (прозванный за это Окаянным) убил других братьев – Бориса и Глеба. Но известный педагог и публицист Евгений Ямбург сослался на сенсационный документ (проверить достоверность которого у меня не было возможности, но и О.Бузина излагает ту же историю в несколько иной редакции): «*В середине XIX века Сенковский опубликовал перевод саги, в которой убиты, нанятые Ярославом, рассказывали, как они прикончили Бориса и Глеба. Нашелся только один историк Погодин, который считал необходимым отредактировать житие Бориса и Глеба. Церковь же настояла на незыблемости памятника, запечатленного в сердцах, а стало быть — на незыблемости ложного обвинения Святополка*» («Московский Комсомолец», 17.02.2012). О том же пишут и некоторые другие историки.

Ярослав вообще был теснейшим образом связан с Западной Европой. Трёх своих дочерей он выдал замуж за королей западноевропейских государств. Дочь Анастасия стала королевой Венгрии. Дочь Елизавета - королевой Норвегии. (Дочь Елизаветы стала королевой Дании). Дочь Ярослава Анны вышла замуж за французского короля Генриха I. Её сын Филипп, несмотря на происки других претендентов, смог унаследовать отцовский престол и основать династию. А привезённое Анной Евангелие на кириллице с надписью «Анна реина» («Королева Анна») стало святыней Франции. Оно хранилось в городе Реймсе, и на нём французские короли давали клятву верности своей стране. Но самой Анне пришлось закончить жизнь в основанном ею во Франции католическом монастыре, где ей установлен памятник.

Но все три дочери Ярослава позднее остались ни с чем. Такова судьба большей части династических браков. Они заключаются не по любви, а по соображениям государственной важности, которые со временем меняются.

Перед смертью Ярослав разделил свои владения между сыновьями, завещав им жить в любви, мире и дружбе, но ведь сыновья знали, каким кровавым был путь их отца к власти. Изяславу достался Киев, Святославу - Чернигов, а Всеволоду - Переяславль. Однако мир между ними продолжался недолго. Известно, в самом ли деле Изяслав мечтал стать, единовластным владетелем Руси, каким был отец, но Святослав заверил Всеволода, что старший брат хочет их погубить, и, чтобы избежать такой печальной участи, надо Изяслава изгнать. Что они и сделали. Святослав стал княжить в Киеве, Всеволод в Чернигове. Воспользовавшись смутой, киевляне разграбили дворец Изяслава. Но Изяслав бежал с большим богатством в Польшу, и на эти деньги купил помощь польского короля.

Святослав вскоре умер под ножом хирурга. Всеволод стал княжить в Киеве, но передал столицу вернувшемуся Изяславу. Так Изяслав вернул себе престол, но ненадолго, хотя и успел жестоко наказать, киевлян, грабивших его дворец. Вскоре он погиб в битве с половцами и объединившимися с ними некоторыми русскими князьями.

Ярославичи подхватили переданную им предками эстафету сочетаться браком с государями Западной Европы, Византии или Востока. Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского короля. Святослав - на Оде - дочери немецкого маркграфа. Любимый сын Ярослава Всеволод женился на родственнице императора Константина Мономаха. (Вероятно, поэтому его сына, Владимира Всеволодовича, прозвали Владимиром Мономахом.) Это первый правитель Киева, использовавший титул «князь всея Руси» (отразившийся на его печатях). Всеволод Ярославич — один из самых образованных людей своего времени. Он владел пятью иностранными языками. После смерти супруги - византийской царевны Всеволод женился на половецкой княжна Анне. Свою дочь Евпраксию он выдал замуж за германского императора, хотя этот брак тоже нельзя было назвать счастливым.

На этом можно было бы закончить рассмотрение генеалогии киевских князей, хотя их потом сменилось немало. Но именно в землях сына Всеволода Владимира Мономаха начинается процесс постепенного становления великорусской народности.

Как видим, великие князья киевские в борьбе за власть не брезговали никакими средствами. А если сюда добавить удельных князей (которых было несколько сотен, потому что сыновей у князей было обычно немало, и каждому нужно было выделить город с уделом, поэтому владения дробились), то там часто можно видеть картины преступлений куда более впечатляющие. Желаящие могут прочитать подробности у О. Бузины, который всех их считал разбойниками, жизнь которых состояла из повторяющихся циклов: сбор дани, продажа её в Византии и по возвращении гулянка - пир с дружиной. Ну и, конечно, война, а во время мира - охота. Но ведь таким был практически весь тогдашний мир: то же творилось в то время во всей Европе, а также и на Востоке, вплоть до далёкой Монголии, и, значит, дело было не в злонамеренности того или иного князя, а в каких-то коренных свойствах человеческой природы, над которыми не принято задумываться. Для души, а ещё больше - для престижа князья строили великолепные храмы, хотя понимающих богослужение на греческом языке было немного, а славянские переводы отрывков из Евангелия проникали на Русь, особенно в глубинку, крайне медленно.

Желая укрепить свою социальную базу, впоследствии предводителей славянских общин Рюриковичи сделали боярами, своего рода местной квазиаристократией, а фактически коллаборационистами. Их приглашали на княжеские советы, на пиры с дружиной, иногда ставили воеводами в походах не первостепенной важности. Но настоящей аристократией они так никогда и не стали: Ни один даже самый заслуженный боярин или воевода из славян за все более чем 300 лет германского ига так и не стал князем. Рюриковский клан строго следил за сохранением непреодолимой границы между собой и туземцами. Почти до самых реформ Петра I князем нельзя было стать (например, за заслуги, им можно было только родиться, то есть это была исключительная привилегия

клана Рюриковичей, среди которых даже урод, рождённый от князя, считался германцем и князем.

Бояре были в ещё большей степени, чем князья, носителями анархического, антигосударственного начала. Боярин в любой момент мог «отъехать» от «своего» князя и поступить на службу к другому (даже враждебно настроенному по отношению к князю, у которого боярин служил), не рискуя потерять имения в «своём» княжестве.

Вот такой была Киевская Русь, которой владели князья – потомки германцев. При том анархическом и разбойническом строе, который в ней утвердился, остаётся лишь удивляться тому, что она просуществовала так долго – до XIII века.

Напоминание о том, что славяне были завоёваны германцами - это не отголосок норманской теории. Та утверждала, что германцы, придя на нашу землю, застали здесь примитивные славянские племена. На самом деле у славянских племён были зачатки государственности, просто своего, не германского типа, потому завоеватели их и не заметили. У некоторых племён были князья, значит, и княжества, со своими столочными городами. Существовали и союзы племён, что невозможно без какого-то единого руководства. Были и города, пользовавшиеся самоуправлением. Славяне шли в направлении усложнения своего государственного устройства, но своим путём. Германское завоевание прервало эти процессы и на века бросило славян под гнёт завоевателей. А выступление Михаила Ломоносова против норманистов, как показал О. Бузина, отчасти было основано не на данных науки, а на политике (дескать, как бы не было ущерба для гордости русских за свою историю под гнётом германцев). Однако в действительности наш гений поразил теорию норманистов в самую сердцевину: он занимался не столько Руриком, сколько доказательством (на основе старинных документов) того, что «до Рурика» славяно-русы, ведущие своё происхождение от роксоланов, были много образованнее и культурнее, чем пришедшие на их землю германские завоеватели. Впрочем, архив Ломоносова сразу после смерти учёного был опечатан, и его изыскания по истории исчезли. Есть мнение, что изданные после его смерти исторические труды Ломоносова, во многом повторявшие идеи его немецких оппонентов, были ими же досочинены и отредактированы. А рукописи Ломоносова по естественным наукам сохранились, ибо учёный был широко известен и признан в Европе, его естественно-научные труды переделать на немецкий лад было невозможно. (Примерно так же сложилась судьба автора первого капитального труда по русской истории Василия Татищева.) Но главное отличие изложенной здесь истории от творений норманистов - в показе хищнической, разбойничьей, эксплуататорской и паразитической сущности князей-германцев, чего норманисты, естественно, не могли даже и подумать. Ни князья-Рюриковичи, ни якобы наследовавшие им цари не допустили бы такой правды, и историческая наука застыла на этой дореволюционной позиции.

Но почему же Нестор-летописец не сделал акцента на хищнической природе князей-германцев? Потому что был сыном своего времени, родился, вырос, написал свою летопись и представил именно в этом германском государстве, стоял на стороне рода Владимира Мономаха в противостоянии роду Олега Святославича. То, что князья Киевской Руси были германцами, он, как и большинство современников, считал нормальным состоянием общества, не видел в этом ничего противоестественного. Почти вся Западная Европа представляла собой совокупность государств, образованных германскими завоевателями, везде господствующим классом были рыцари - потомки этих завоевателей, всюду бароны вели бесконечные войны друг с другом, как и князья-Рюриковичи на Руси. (В известной мере можно было утверждать, что Западная Европа и Русь представляли собой тогда единое культурное пространство со схожим общественным строем.) Везде рыцари, бароны, графы и т.д. считали покорённое местное население, «смердов», людьми второго сорта, потому об этих угнетённых в летописях упоминается редко и вскользь. Это было тогда естественным порядком вещей,

против которого порой восставали только «низы», но «верхи» с ними жестоко расправлялись. Людям из образованного общества, к которому, несомненно, принадлежал Нестор, бунтовать против этого строя и в голову не приходило.

Нестор не виноват в том, что позднейшие историки цитировали его «Повесть временных лет», не вдумываясь в её содержание, не учитывая исторической обстановки, в которой она была написана. Эти учёные мужи и дамы проглядели даже зарождение в рамках Киевской Руси русской, а позднее - и украинской наций. Это совершенно разные народы, сложившиеся в разное время, в различных регионах германского государства Русь при разных исторических обстоятельствах, о чём речь пойдёт ниже. Они во многом даже народы-антагонисты, во всяком случае, украинский народ братским русскому никогда не был, это один из мифов советской пропаганды периода исторической жадности дружбы народов и создания единого советского народа. Не является он братским нам сейчас и не будет таковым в будущем, по меньшей мере, в ближайшие 50 лет, при жизни нынешних двух поколений. Украинская элита изначально ориентировалась на Европу, где она получала образование, откуда черпала правила хорошего тона, а Россию, страну принципиально антиевропейскую, она всегда считала варварской азиатской страной. И никакие экономические выгоды от союза с ней не могут изменить это отношение. Не зная подлинной, а не выдуманной истории Киевской Руси, невозможно правильно оценить то, что происходит ныне на Украине, о чём свидетельствуют материалы, появляющиеся в российских СМИ, и выступления наших государственных деятелей, представляющие себе российско-украинский конфликт в совершенно извращённом виде.

Более чем трёхвековое господство германцев над нашими славянскими предками ни в коем случае нельзя рассматривать как некое позорное пятно на русской истории. История России - славянская, героическая, полна примеров бескорыстного и самоотверженного служения наших предков своему Отечеству. Но русские - всё же люди, а не Боги. И они допускали ошибки, порой терпели поражения. Величие народа познаётся по его способности и после падения суметь, выждав подходящий момент, вновь подняться, чтобы отстоять свою свободу и независимость. А главное - иго германцев над славянами не распространялось на великорусскую народность, так как она с самого своего возникновения на рубеже XI - XII веков развивалась на Ростово-Суздальской земле, великий князь которой Юрий Владимирович (любимый сын Владимира Мономаха) Долгие Руки не только не был подчинён великому князю киевскому, но и трижды, вопреки всем правилам престолонаследия, захватывал Киев и умер, находясь на киевском престоле. А его сын великий князь Владимиро-Суздальский Андрей Юрьевич Боголюбский не только оформил своё княжество как самостоятельное государство, во всё противоположное Киевской Руси, с новым строем жизни, отвечающим русскому менталитету, но и его войско в 1169 году штурмом взяло Киев, и Андрей стал также и великим князем киевским, навсегда положив конец поползновениям этого государства германцев диктовать свою волю предкам великороссов. Так что гнёт германцев над славянами на русских не распространялся с первых же шагов великорусской народности. Об этом подробнее будет сказано далее.

Отрицая теорию норманистов, я в тоже время не согласен с теми ура-патриотами, которые видят в господстве германцев в Киевской Руси нечто унижающее наших предков и потому ищут славянские корни князя Рюрика. Германцы силой покорили всю Западную Европу, причём на несколько веков раньше, чем пришли на Русь. Славяне не приняли безропотно гнёт германских завоевателей, они многократно поднимали бунты против них, которые жестоко подавлялись Рюриковичами. Против некоторых славянских племён завоевателям пришлось предпринимать неоднократные военные походы. Сила была на стороне германцев, с их веками отработанной военной машиной, с их кровавым террором, с их тактикой «разделяй и властвуй». И нарождавшейся в заброшенном

северо-восточном краю Киевской Руси великорусской народности пришлось ещё долго готовиться к тому, чтобы окончательно отделиться от Киева и заложить основу для создания единого государственного государства, отвечавшего русскому пониманию сути народной власти.

Ищущие славянские корни Рюрика недоумевают: зачем новгородцам было искать князя среди европейцев, а не призвать хорошо управлявших вольными городами славянских же старейшин? На это было множество причин - от бытовых до сугубо политических. Известный хозяйственник и публицист второй половины XIX века А.Н. Энгельгардт, великолепный знаток русской деревни, писал, что крестьянские общины часто призывали старост из соседних деревень: ведь свои были связаны с односельчанами узами кровного родства и поэтому порой подыгрывали своим, нарушая справедливый порядок. Хотя расцвет Новгорода как торгового города был ещё впереди, но некоторые торговые связи у славян с европейцами уже завязывались, и славяне «мужики» воспринимались в рыцарской Европе как неполноценные партнёры. Другое дело, если во главе государства этих торговцев стоял князь, западноевропейский рыцарь, человек благородного происхождения. Наконец, оборону города должно обеспечивать не только «мужицкое» ополчение, но и дружина воинов-наёмников, возглавляемая профессионалом-князем благородного происхождения. Никакой старейшина и даже Гостомысл этим требованиям не удовлетворял.

Наиболее яростным противником теории норманистов перед самой революцией 1917 года был Дмитрий Иловайский, автор принятого в России учебника русской истории, выдержавшего более 150 изданий. Он полагал, что, в отличие от других историков, разгромил самую основу норманизма. Те ввели между собой бесконечные споры о том, откуда был призван Рюрик, тогда как, по его убеждению, его ниоткуда не призывали. Славяне (поляне) жили всегда возле Киева, и торговавшие с ними греки всегда называли их руссами. И приводит множество аргументов в обоснование своей теории, из которых главным считает следующие:

«Начнем с того: есть ли малейшая вероятность, чтобы народ, да и не один народ, а несколько, и даже не одного племени, сговорились разом, и призвали для господства над собою целый другой народ, то есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Таких примеров нет в истории, да они и немыслимы».

Это почему же таких примеров нет, и они даже немыслимы? Замечание, которое странно слышать от историка. Любой коллега мог бы подсказать Иловайскому немало примеров, когда «немыслимое» становилось вполне «мыслимым».

Например, в Древнем Китае поднялось народное восстание против императора, да такое грозное, что власти с ним справиться не могли. И что же? Они призвали на помощь маньчжуров. Те пришли, восстание подавили, но уходить во-свояси не захотели, а их вождь сам сел на престол и основал династию Цын, просуществовавшую вплоть до революции 1911 года, причём маньчжуры жестоко угнетали и всячески унижали китайский народ (обязав туземное население носить косу и т.п.).

Патриотизм не в том, чтобы отрицать неоспоримые факты и взамен их городить самодельные теории, которых ныне развелось множество. Некоторые ищут мифического предка Рюрика среди давно исчезнувших западных славянских племён. Но как они объяснят, что первые князья-Рюриковичи, как и наиболее важные персоны из их окружения, носили германские имена, почему в средневековых западноевропейских хрониках как раз под 862 годом или около того говорится о завоевании Новгорода германцами (Хродриком или Рёрихом). Ведь это не объяснишь происками Вашингтона, до появления которого ещё много воды утечёт. Почему имя Рурик широко распространено в скандинавских странах, причём это не мода, возникающая в последние годы, а многовековая традиция. Отказываясь от творения Нестора и Сильвестра, единственного дошедшего до нас несомненно подлинного исторического документа, такие

«исследователи» дают волю своей безудержной фантазии, доходящей до творений, скорее подходящих для пациентов психиатрических клиник. Среди мифических предков славянского князя Рюрика непременно встречаются какие-то чудовища - полузвери, полулюди, а то и того хуже. В упомянутой выше книге Алексея Бычкова показано, что копаться в источниках, якобы свидетельствующих о славянском происхождении Рюрика, - значит рисковать нарваться на такие сведения, от которых сами искатели отвернутся в ужасе. Ибо по ним выходит, будто наши предки жили ещё более дремучей и смрадной жизнью, чем древляне, которых осуждал Нестор.

Вывод из сказанного простой. **Надо твёрдо придерживаться фактов, даже в тех случаях, когда они по тем или иным причинам оказываются нам неприятными. И не пренебрегать единственным дошедшим до нас древнейшим летописным документом по отечественной истории, хотя ему также свойственны некоторые неясности, противоречия и иные несовершенства. А не подменять его самодельными конструкциями, в конечном счёте ни на чём не основанными и не выдерживающими серьёзной критики.**

Итак, германское государство Русь существовало с 862 по 1240 год, т.е. 378 лет. В его пределах сформировалась великорусская народность, а через несколько веков - и украинский народ. Рассмотрим, при каких условиях происходило их становление и почему они оказались такими разными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

Русский народ (первоначально это была великоросская народность) образовался на рубеже XI – XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Залеской Руси или в Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) земле. Туда в то время устремились славяне из терявших своё значение Киева и других южных княжеств (прежде пионерами освоения этого края были новгородцы). Причина проста: эксплуатация местного населения князьями Киевской Руси и ростовщиками, находившими княжеское покровительство, была очень жестокой, что неоднократно приводило к народным бунтам. Именно после особенно страшного бунта 1113 года и был киевлянами призван на великокняжеский престол Владимир Мономах, о чём ещё будет сказано в дальнейшем. К тому же юг Руси в то время был измучен набегами половцев, истощён княжескими усобицами. На новом месте, в отличие от южных княжеств, располагавшихся на чернозёмах, преобладали бедные подзолистые почвы. Это обрекало переселенцев на занятия подсечным земледелием: расчистив от леса и удобнив участок золой от сожжённой растительности, они снимали три-четыре урожая и затем переходили на новый участок, который также нужно было сначала расчистить и удобрить. Это воспитывало у новых жителей Суздальской земли характер первопроходцев и «земледельцев-кочевников», почему они впоследствии довольно быстро нашли общий язык с восточными кочевниками. Среди этих переселенцев преобладали мужчины. Они вынуждены были смешиваться, сочетаться брачными узами с местным населением – как с вятичами, так и с угро-финскими племенами (мурома, мещора, весь и пр.), что давало киевлянам основание высоко почитать представителей нарождавшейся великорусской народности (хотя в самих южных княжествах исконное славянское население тоже смешивалось с половцами и другими «степняками»).

Значение нового очага восточнославянской цивилизации первым осознал уже упоминавшийся выше Владимир Всеволодович Мономах, которого отец ещё 13-летним юношей поставил князем в Ростове Великом. Он основал в 1108 году в суздальской земле и назвал своим именем будущую новую столицу Руси – город Владимир-на-Клязьме. Как отмечается в одной его биографии, *«очевидно, и в ранней юности Владимир обладал политической интуицией. Ему понравилась эта «дикая» Ростово-Суздальская земля, он почувствовал ее огромный потенциал, чего нельзя сказать о других*

Рюриковичах той эпохи», которые были готовы принять любое княжество, только не этот глухой край, землю, поросшую лесом среди болот и слабо заселённую немногочисленными угро-финскими племенами с малой прослойкой вятичей. И он, «войдя в возраст, стал энергично ее обустраивать».

Владимир Мономах был любим народом, поэтому в 1113 году киевляне, которым надоели деяния германцев - князей Руси и гнёт ростовщиков, пользовавшихся их покровительством, подняли бунт и потребовали, вопреки всем правилам престолонаследия, чтобы великим князем Киевским стал Владимир Мономах. Он сел на трон и до конца жизни (до 1125 года) оправдывал возлагавшиеся на него народом надежды: изгнал из Киева ростовщиков, снизил ставку процентов по займам, организовал успешные совместные походы русских князей против половцев, систематически до того времени разорявших русские земли и пр. За свою жизнь Мономах совершил 83 военных похода. Мономаху удалось объединить под своей властью почти все княжества Киевской Руси.

Владимир Мономах был женат на Гиде (Гите) Саксонской, дочери последнего англосаксонского короля Гарольда, погибшего в 1066 году в битве при Гастингсе, когда он пытался противостоять вторжению войском нормандского герцога Вильгельма Завоевателя, который после этой победы стал королём Англии. У Владимира и Гиты родились четыре сына, из которых наиболее известен Мстислав. Он женится на скандинавской принцессе, унаследует трон отца и войдёт в историю под именем Мстислав Великий. После смерти Гиды Владимир женился вторично, но имя этой его жены не сохранилось, из чего я делаю вывод, что она не принадлежала к какому-нибудь знатному роду. Зато рождённые ею дети вошли в историю, особенно любимый сын Владимира Георгий (Юрий) Долгие Руки, владевший Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) землёй, где образовалась и оформилась великорусская народность. (Об сыновьях и внуках Мономаха пойдёт речь в дальнейшем.) После смерти второй жены Мономах в 1107 году женился в третий раз, но и имя последней его жены осталось неизвестным. Дочерей Мономах выдавал замуж за европейских и византийских государей, но эти династические браки не были счастливыми. Ближайшие потомки Мономаха также были связаны династическими браками с европейскими и восточными государями.

О Владимире Мономахе сохранилось намного больше благожелательных отзывов современников, чем о каких-либо других государях Киевской Руси. Всё-таки это был действительно выдающийся государственный деятель, полководец и писатель, а также личность, обладающая высокими моральными качествами. Но, как и любой человек, был не без греха, в чём он каялся в своём знаменитом поучении.

Городу Владимир-на-Клязьме, основанному Мономахом, суждено было позднее на несколько веков стать центром великорусской государственности. Именно в правление сына и внуков Мономаха в Ростово-Суздальской земле и оформилась великорусская народность, превратившаяся со временем в великий русский народ, создавший могущественное государство - Россию. Здесь мне придётся сделать небольшое отступление, чтобы подтвердить моё твёрдое убеждение: **русские и украинцы - два совершенно разных народа.**

КАК РУССКИЕ ОТДЕЛИЛИСЬ ОТ БУДУЩИХ УКРАИНЦЕВ

Несмотря на то, что это утверждение должно быть очевидным для каждого, кто сталкивался реально с теми и с другими, несмотря на всю очевидность того, что русские и украинцы - разные народы, в публикациях большинства российских авторов, вплоть до наших дней, в российских СМИ, на нашем телевидении и в выступлениях высших должностных лиц государства преобладает обратное утверждение. При этом, что странно, часто - у авторов, имеющих, видимо, украинские корни.

Яркий пример тому - книга известного телеведущего канала РЕНТВ Игоря Прокопенко под претенциозным названием «**ВСЯ правда об Украине**» (М., 2015). Но ознакомление с этим «трудом» показывает, что правды-то

в нём кот наплакал, и основном в цитатах из статей привлекаемых историков, зато нелепостей разного рода там полно. Назову для начала лишь несколько частных, вроде следующей:

«Уже в 1169 году владимирский князь Андрей Боголюбский, обладая признанным старшинством, отказался занять Киевский престол и переехал на берега Днепра. С того момента и престиж княжения в Киеве стал падать. Киев именовался в летописях столицей ещё долго, до 1240 года, когда он был разрушен татаро-монголами и надолго пришёл в упадок. Главенство среди князей по старшинству получили великие князья Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич Невский, и Киев был передан им. Однако они предпочли оставить своей резиденцией родной Владимир, который и считается столицей с 1243 года. В Киеве отныне правили провинциальные князья. Это продолжалось до 1362 года, когда город был завоёван Литовским княжеством и на целых три века вышел из состава Руси» (с. 66).

Тут всё поставлено с ног на голову. Ну, не хотелось И. Прокопенко изучать труды солидных историков, так посмотрел бы хоть Википедию, где эти частности разобраны в основном достоверно. Бесспорным ничьё старшинство не могло считаться в среде сотни князей (с многими сотнями княжат и княжон), связанных родственными узами как между собой, так и с иностранными государями, в среде, где многие князья считали себя обиженными при предыдущих перемещениях с одного престола на другой. Даже, казалось бы, бесспорное право старшинства обычно подкреплялось силой. Наш милый князь Юрий, любимый сын Владимира Мономаха, основатель Москвы, получил прозвище Долгие Руки именно за то, что, сидя в своём медвежьем углу (с точки зрения других Рюриковичей), в Ростово-Суздальском княжестве, властно вмешивался в дела других княжеств. В ходе начавшейся междоусобной войны в 1149 году он, вопреки всем правилам престолонаследия, занял киевский престол. Однако уже в 1150 году при известии о приближении к Киеву войском враждебной коалиции князей вынужден был бежать из столичного города. Но в том же 1150 году, объединившись с другими князьями, начал наступление на Киев. После поражения Изяслава от галицких войск в битве на реке Ольшанице Юрий подступил со своим войском к Киеву с востока, вынудив бежать из города засевших там Изяслава и Вячеслава.

Изяслав вскоре заручился поддержкой венгерского короля Геза II и вместе с посланником ему отрядом венгров в 1151 году вынудил Юрия снова бежать из Киева. Но в 1155 году Юрий всё-таки овладел Киевом и в третий раз воцарился на великокняжеском престоле, но, увы, ненадолго, хотя княжил в Киеве до своей смерти в 1157 году. Существует версия, что он был отравлен киевскими боярами.

Прошу извинения за такое длинное отступление, но так бывает почти всегда: путаницу внести легко, а устранение её подчас требует значительного времени и больших усилий.

Возвращаюсь к ошибке И. Прокопенко. В действительности Андрей Боголюбский, хотя и не переехал в ненавистный ему Киев, но от титула великого князя Киевского вовсе не отказывался. Совсем наоборот: по приговору Собора «окоротить» засевших в Киеве и в окрестных княжествах германских князей-хищников, в 1169 году Киев был взят штурмом войсками великого княжества Владимиро-Суздальского и его союзников (назову их для краткости суздальцами) под командованием сына Андрея Мстислава. И Андрей Георгиевич, этот великий государственный деятель, создатель прообраза великорусского государства с единодержавным правлением, в отличие от распадавшейся на уделы Киевской Руси (о чём можно прочитать и у С.М. Соловьёва, и у других известных историков) присоединил к своему титулу также наименование великого князя Киевского, но княжить в Киеве Мстислав поставил брата Андрея, переяславского князя Глеба Юрьевича. То есть Андрей отделили старшинство от места. Старшим стал великий князь Владимиро-Суздальский, имевший резиденцию во Владимире (точнее, в Боголюбове), а в Киеве сидел рядовой провинциальный князь.

Другие князья, воспользовавшись отъездом Глеба в Переяславль, заняли Киев, но Глеб его вернул и правил в Киеве до своей смерти в 1171 году. Существует версия, что он, как и его отец Юрий Долгорукий, был отравлен киевскими боярами.

К деятельности Андрея Боголюбского и взятию Киева я ещё вернусь, а пока продолжу разбор ошибок И. Прокопенко.

После убийства в 1174 году Андрея Боголюбского заговорщиками, поскольку у него не осталось в живых сыновей - законных наследников, во Владимиро-Суздальском княжестве началась борьба за престол. Но в её итоге Андрею наследовал сводный брат Всеволод Большое Гнездо, который продолжил его политику, не допуская дробления княжества на уделы. Он также именовался великим князем Киевским, но княжение его окончилось неудачно.

Через 5 недель после занятия Всеволодом киевского престола изгнанные ранее князья ночью тайно въехали в Киев, Они захватили Всеволода и его племянника Ярополка, посадили в Киеве своего ставленника. Из плена Всеволод и Ярополк были или выкуплены их роднёй.

Несмотря на эту неудачу, впоследствии, в 1176—1212 годах, Всеволод княжил во Владимире. При нём Северо-Восточная (Владимирская) Русь, эта сердцевина будущего великорусского государства, достигла вершины своего могущества и расцвета. Но после смерти Всеволода она стала распадаться на несколько самостоятельных удельных княжеств. Опять последовала братоубийственная смута. Победителем и великим князем Владимирским стал сын Всеволода Юрий. Но он погиб в 1238 году, пытаясь отстоять Владимирскую землю от нашествия Орды. Столица княжества - Владимир и многие другие города (включая Москву) были разграблены или сожжены.

Сын Всеволода Ярослав Всеволодович княжил в Новгороде, но в 1236 году занял Киев, изгнав из него князя-временщика, и стал великим князем Киевским. Но в 1238 году, узнав о гибели своего брата великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в битве на Сите в ходе монгольского завоевания Руси, покинул Киев и переехал на княжение во Владимир, где стал великим князем. И вовсе не по старшинству, а потому, что ярлык на княжение он получил уже от ордынского хана. Ярослав так понравился Батю, что они стали побратимами. Ярослав даже представлял интересы Батю на Всемонгольском курултае в Каракоруме, созданном для избрания нового великого хана на место умершего. Киевское княжество утратило самостоятельное значение. Фактически, киевское княжение автоматически передавалось владимирским князьям по ханскому ярлыку. При этом, сами князья в Киеве не сидели, отправляя в город своих наместников. В 1243 году Ярослав прибыл в Орду, где был признан правителем всех русских земель «старей всем князем в русском языке» и сел во Владимире. Точно так же и его сын Александр Невский, стал великим князем Киевским, для чего ему также пришлось ездить в Каракорум. Александр стал побратимом сына Батю Сартака. Но сам Александр в Киев не поехал, а правил им из Новгорода до своей смерти в 1263 году. Вскоре он стал и великим князем Владимирским.

Как видим, всё - и с княжением Андрея Боголюбского, и с правлением его преемников - было совсем не так, как излагает И. Прокопенко. Не было благодатного мира и твёрдого порядка престолонаследия в среде германских князей-хищников, ибо германцы изначально признают и до конца веков будут признавать только силу. Великое княжение Киевское чаще не доставалось по старшинству, а бралось силой. При этом некоторые князья завоёвывали киевский стол дважды, а то и трижды (как тот же Юрий Долгие Руки), своеобразным же рекордсменом в этом отношении стал удачливый князь-неудачник Рюрик Ростиславич, который завоёвывал Киев семь раз (!), но лишь однажды («в третий заход») усидел на киевском престоле 8 лет, а в дальнейшем удерживал его год-два-три - и снова поспешное бегство.

И таких ошибок в книге очень много, но я ведь не пишу на неё рецензию. Гораздо важнее, что автор на той же

странице 66 выражает удивление тем, что, оказывается, мы (украинцы и русские) не братья? При этом виновниками нашего разделения выставляются... поляки. Якобы в результате последнего раздела Польши в России оказалось много поляков, среди которых возникла тайная антирусскийская организация. «В 1824 году в Житомире прошёл съезд польских заговорщиков, на котором было принято решение уйти от России, прихватив с собой те области, которые когда-то были ими завоёваны... Кстати, именно тогда появилось название «москаль».

Ну, поляки, где бы и когда бы они ни оказались, будут строить козни против России, это их излюбленное занятие и даже, можно сказать, национальный вид спорта. Однако из этого вовсе не следует, что их заговоры будут реально влиять на нашу историю. А что касается москалей...

На деле к этому времени насчитывалось уже более двух веков жестоких войн между запорожскими казаками или черкасами, как их называли в Москве (а это - сердцевина украинской нации) и москалями (московитами), русскими. (В дальнейшем украинцы изобрели для русских гораздо более обидное прозвище: цаца, «как цапа», то есть козёл.) При этом в Смуту на Руси начала XVII века казаки проявляли такие зверства, что русские считали их хуже польских интервентов. Да и после избрания на царство на Руси Михаила Фёдоровича Романова во время похода гетмана Петра Сагайдачного (совместно с поляками) на Москву в 1618 году его казаки захватили и разорили с десятком русских городов, разграбили и осквернили там храмы, убили и увели в плен тысячи русских людей, а подручный гетмана Михаил Дорошенко в захваченных городах вырезал всё население вплоть до младенцев и пожёг Рязанщину. Только сумасшедшему на Руси в то время могла бы прийти в голову мысль назвать русских и украинцев братьями, двумя ветвями единого русского народа. Эта идея возникла лишь в 1674 году среди украинцев в их корыстных интересах (о том, как и почему это произошло, дальше будет рассказано подробно).

И.Прокопенко занимается нашим просвещением: «**Мало кто знает, что современный украинский язык и сам алфавит были разработаны одним человеком - литератором Пантелеймоном Кулишом**», ключевым участником Кирилло-Мефодиевского братства», о чём он и сам торжественно заявил. Между прочим, «Большая биографическая энциклопедия» называет его отличным знатоком малорусского языка и талантливым малорусским поэтом, публицистом и историком. Выходит, малороссийский язык-то уже существовал, как же Кулиш мог быть его создателем? Кулиш составил первый украинский букварь, но, как говорят специалисты, его главной особенностью был отказ от буквы «ы». Сама же **система Кулиша** или «кулишівка» (укр. кулішівка) — украинское правописание, названное по имени П. А. Кулиша, применившего его в «Записках о Южной Руси» (т. 1, 1856) и в «Грамматике» (1857), как мы видим, сложилась лишь в конце 1850-х годов и в период действия Кирилло-Мефодиевского братства (декабрь 1845 - март 1847 года) могла существовать только в зародыше. Второе издание «Грамматики» Кулиша вышло уже в начале 1860-х годов.

Если верить И.Прокопенко, то Кулиш был гением, который, создав букварь, перевернул жизнь и ход истории целого великого народа. На самом деле ничего подобного не происходило. А неграмотные украинские крестьяне, никогда и не слышавшие ни о каком Кулише, и до него веками говорили на своём языке, не подозревая, что он «искусственно создан», и после продолжали говорить на нём же. (То, что они называли себя русинами, а свой язык русским, не должно вводить нас в заблуждение, но об этом - чуть ниже.)

В чём причина этих ошибок И.Прокопенко? По сути, он сам же ответил на этот вопрос, дав своей книге подзаголовок: «Кому выгоден раскол страны?»

То есть, его интересует не истина, а вопрос выгоды (личной или государственной - в данном случае вопрос не личный, тем более, что умельцы отлично приспособились сочетать то и другое). Всем известно, как принято в приличном обществе называть людей с подобной мотивацией. Кстати сказать, именно она присуща многим

деятелям как украинской истории, так и современной Украины. И в этом - одна из причин бед этой страны.

Конечно, И. Прокопенко не одинок. Блогер Владимир Лепёхин сравнивал европейские и российские ценности, и он же в статье «Украина обречена на самоуничтожение», вопреки очевидности, старательно собрал все доказательства того, что украинцы и русские - единый народ:

«В самом деле, что такое Украина, как не часть русской по своему происхождению цивилизации, развивавшейся в своей органичной целостности более тысячи лет и скреплённой общностью крови, веры, почвы, культуры, истории, экономики и традиций на самом сущностном уровне, составляющем основу самобытного цивилизационного архетипа проживающих на конкретной территории людей. И вот все это не просто предано, но целенаправленно и системно уничтожается — в пользу какого-то другого архетипа, каких-то иных сущностей». (РИА Новости <http://ria.ru/analytics/20160328/1398617926.html#ixzz49miKhBP0>).

Но на деле-то и почва, и культура, история, экономика и традиции у наших двух народов разные, да и кровь и почва, как будет видно из дальнейшего, ибо народы эти сформировались в разное время, в разных частях германского государства Русь и при разных исторических условиях

Холодным душем для наших «патриотов не по разуму» должна послужить книга русского писателя Сергея Белякова «Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя», вышедшая в издательстве «АСТ» в 2016 году.

Её суть (а в книге около 700 страниц) можно передать одной фразой: русины (украинцы) и великороссы (русские), встретившись, наконец, после веков разъединения, убедились, что они совершенно чужды друг другу, и украинские крестьяне на вопрос «вы русские?» отвечали «Ні» («Нет»). И далее идёт подробный разбор особенностей образа жизни, миропонимания и менталитета двух наших народов. Многие сотни использованных С. Беляковым исторических источников, данные которых невозможно опровергнуть, подтверждают его вывод: тень Мазепы (для русских - изменника, для украинцев - героя борьбы за независимость Родины, просветителя и строителя) навсегда развела русских и украинцев. Это - два совершенно разных народа-антипода.

«Жители Малороссии даже внешне мало походили на великороссов». «Украинские сёла, слободы и даже города заметно отличались от русских». Кроме того, украинцы жили в чистых, побелённых и расписанных изнутри, а иногда и снаружи хатах, похожих на белые палатки и утопающих в садах, а не в избах с тараканами, возле которых обычно не встретишь и деревца. Украинцы говорят на трудно понимаемый русскими «мове», - языке «чистом, как заря небесная...» Образованные украинцы говорили на латыни, когда на Руси знающих этот универсальный язык европейской учёности было всего несколько человек. В украинских семьях господствовали женщины, поскольку казаки часто и надолго уходили в поход. И вообще украинские женщины были развиты больше, чем мужчины. В России же господство мужа в семье было узаконено.

«Судьбы восточных и западных русских разошлись на несколько веков, те и другие утратили государственность. Возвращали они её себе по-разному, в совершенно разных исторических обстоятельствах. Северная и Восточная Русь, освободившись от власти Орды, превратилась в сильное и воинственное православное царство, где власть государя была велика и священна. Авторитет московского оружия стоял высоко... На Западной Руси всё было иначе. Галицию и западную Подолию завоевал польский король Казимир Великий. На восточную Подолию, Волынь и Поднепровье распространилась власть литовских князей... Власть над землями Киевщины и Волыни была в руках удельных князей, русифицированных Гедиминовичей, а позднее перешла к богатым и влиятельным землевладельцам, которые возводили свои родословные не только к Гедимину, но и к Юрию или к литовским и русским

боярам. Некоторые вели себя как правители суверенных государств. Великий князь был далеко, а настоящая власть, с которой простые жители западно-русских (украинских) земель сталкивались каждый день, находилась в руках православных «русских» панов. После Люблинской унии власть над Поднепровьем и Волынью перешла от Литвы к Польше... Полонизация аристократии, её переход в католичество превратит вольных православных русинов в угнетённое большинство, которое после Брестской унии попытаются лишить даже веры предков. Западнорусская государственность не была ликвидирована одним ударом, а исчезла, истаяла, как лёд весной. Её возродят только казаки Богдана Хмельницкого...»

Но надо знать, кто такие казаки. Конечно, они воевали с бусурманами, полагая, что защищают Украину (Русскую землю) и православную веру. Но Сечь была паразитическим образованием, она не вела хозяйство, а жила тем, что добудет грабежом во время своих набегов на соседей. Ну, а после грабежа устраивались попойки. И так до следующего набега.

И представления казаков о власти совершенно не соответствовали тем, на коих строилась Русская Держава. Каждый казак считал себя по меньшей мере равным всем остальным, своих предводителей (сотников, полковников, атаманов, гетмана) казаки избирали на Раде («кто кого перекарачит») и так же легко могли их сменить в любой момент. (Пока старшина не найдёт способ закарбалить казаков, по сути превратив их в своих крепостных крестьян.) Это не русский служивый человек, а вольный казак. Сегодня он служит, а завтра не захочет, и никто его заставить не сможет.

И к России, к российской власти отношение казаков было потребительским:

«В январе 1668 года Петро Дорошенко, гетман Правобережной Украины, через своих представителей казаки вёл переговоры с послом русской царя... Дорошенко был готов перейти под власть Алексея Михайловича, но выдвигал три условия:

1. *Дорошенко становится гетманом обеих сторон Днепра.*
2. *С территории, подвластной гетману, будут выведены московские войска.*
3. *Население Гетманщины не будет платить никаких податей в государеву казну...*

Понятно, что для России такие отношения были бы совсем невыгодны, потому что на Россию возлагали серьёзные обязательства (военная помощь), а взамен Украина не давала России ничего».

Кого не убедили приведённые различия русских и украинцев, пусть читают сами книгу С. Белякова. Теперь, после этого отступления, можно вернуться к деяниям сына и внуков Мономаха.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДВИГ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО.

Князь Юрий Долгорукий не просто вывел Ростово-Суздальское княжество из-под власти киевских князей, он сам завоевал звание великого князя Киевского, пусть и ненадолго. Но спустя некоторое время это звание перейдёт к его потомкам и останется за ними практически до конца существования Киевской Руси.

Юрий был женат дважды. Первой его женой стала дочь половецкого хана Алёна. От этого брака у супругов родились пять сыновей, в том числе Андрей, с которого начинается качественно новый, собственно русский (великоросский) период отечественной истории и о котором речь пойдёт ниже, и три дочери. О второй жене Юрия, как сказано в его биографии, сохранилось мало сведений. Но в другом источнике я нашёл упоминание о том, что сделал Андрей, став ростово-суздальским князем. Для того, чтобы укрепить единовластие, Андрей изгоняет несколько боярских семей из Ростова и Суздаля, самых верных слуг своего отца, а также отправляет своих родственников (четырёх сводных братьев с их матерью, второй женой Юрия Долгорукого, византийской

принцессой) в Константинополь, чтобы уменьшить опасность возникновения междоусобных разногласий и посягательств на его княжеский авторитет. Эти изгнанники были приняты в Византии с честью, как родственники.

Эта вторая жена родила Юрию шесть сыновей, в том числе Всеволода, который провёл в изгнании 7 лет. О нём также будет рассказано в дальнейшем.

А уже сын Юрия Андрей не пожелал оставаться в Киеве. Он, вопреки воле отца, (согласно летописи, по указанию Богородицы) отправился в Суздальскую землю. При этом он взял с собой чудотворную икону Божьей Матери (позднее прозванную Владимирской). Андрей хотел абсолютной, непререкаемой власти, а в Ростове и Суздале, как пишут в ряде источников, добиться её было бы невозможно. Там существовали свои вечерные традиции, причем очень сильные: князя непременно избирало вече, и во всех своих поступках он тому вече был подотчётен. Во Владимире же, который Андрей намеревался сделать полноценным городом, он был бы сам себе господин. Себе — и всем прочим. И вот, вняв чудесному указанию свыше, недалеко от Владимира он устроил свою резиденцию Боголюбово. **Государственный переворот, который устроил Андрей Боголюбский, и привёл к установлению единодержавия во Владимиро-Суздальской земле, резко отделил её от прежней Киевской Руси.**

ПЕРВЫЕ ШАГИ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Русские историки давно уже отметили выдающиеся качества и деяния Андрея Боголюбского и показали, что именно с его правления начинается новая эпоха в истории, а именно — появление зачатка Российского государства. В книге Андрея Синельникова о великом князе Андрее говорится, что современники наши ничего или почти ничего не знают об этом выдающемся государственном деятеле. И это несмотря на то, что именно этот князь за годы своей деятельности изменил существующий жизненный уклад Руси того времени и направил его в новое русло государственного строительства». Но ещё историк **С. М. Соловьев** именно **Андрея Боголюбского считал основоположником обрусевшей русской государственности, именно с ним он связывал зарождение, становление и развитие великорусской нации.** **Н. П. Павлов-Сильванский** **начинает от Андрея Боголюбского отсчёт времени, завершившийся в XVI веке созданием могучего централизованного русского государства.** В Германии этого князя называли *Andrej von Rostov, der Grosse Koenig Rossia* («Андрей Ростовский, великий король России»), что не удивительно. Его княжество было не только самым могущественным на Руси, но и одним из сильнейших государств Европы, и он находился в тесных сношениях с наиболее влиятельными светскими и духовными властями Европы своего времени. В их числе были императоры Византии и Священной Римской Империи Германской нации, патриархи Константинополя и Иерусалима, папа Александр III, а также епископ Кирилл Туровский, выдающийся русский литератор того времени.

А. Синельников уточняет основной принцип государственного устройства Киевской Руси: *«Все Рюриковичи по рождению были природными государями, поэтому вассальные отношения ни на одного из них не распространялись. Каждый Рюрикович был потенциальным государем вся Руси и был сопредельником ныне правящего великого князя».*

И далее: *«...в начале последней четверти XI века Европа, несмотря на якобы имеющиеся трения между православным и римским духовенством, была общим домом для народов и знати. С общим социальным укладом, аналогичными законами... Вроде бы жить-поживать в этом большом семейном доме, да добра наживать, но... Стержень всего средневековья, вокруг которого разворачивались трагические события на Руси, во Франции, Византии, Чехии, Дании, Германии... был конфликт между дядями и племянниками... Потомство Рюрика, распроставшееся по всей Европе, было действительно благословенным. Следствием этой плодовитости стало ослабление и*

дробление высшей власти. Поскольку знать по своей природе была воинственной — прямо скажем, исключительно военной, — то есть если знатный человек снимал рыцарский пояс, это означало или крайнюю физическую немощь, или уход в монастырь. Война была основной формой существования средневековой знати, поэтому общий дом всё время бурлил... Авторитет высшей власти упал до последней крайности... Император, король и наш великий князь киевский обладали в то время самой номинальной властью...»

Олесь Бузина считал князя Андрея таким же разбойником, как и прочие князья-Рюриковичи, что со стороны украинца вполне объяснимо. Допустим, что Андрей действительно не блистал в моральном отношении. Но это не отменяет того факта, что именно **Андрей Боголюбский проложил путь к новой государственности**, по которому пошли также король Франции Людовик VII, император Германии Фридрих II Барбаросса, король Англии Генрих II и император Византии - Мануил I (кстати сказать, все они были в той или иной степени родственники). Путь этот заключался в обуздании вечно воевавших между собой вассалов и установлении единоличного наследственного правления великого князя (короля, императора). Согласитесь, не каждому историческому деятелю выпадает такая роль. И вот что произошло на Руси.

«Соборное решение упразднило уделы в Ростово-Суздальской Земле и объявило всех владельцев — под рукою Андрея. Иными словами, для всех социальных звеньев населения, включая Рюриковичей, в объединённом княжестве вассально-служебные отношения устанавливались как обязательные. Самое замечательное, что всеобщий вассалитет был установлен не единоличным решением святого князя, а приговором всей земли. Началась централизация государства». Бесповоротным этот процесс стал **в 1162 году, когда Андрей лишил уделов** и послал в Константинополь братьев, сына Мстислава и отцовских бояр (видимо, учиться уму-разуму, вернулись они через семь лет). **Здесь и пролегла принципиальная граница между Киевской Русью, остававшейся очагом анархии и княжеских междоусобиц, и созданным Андреем Боголюбским Великорусским государством, основанном на единодержавии.** И произошло это ровно через триста лет после призвания варягов.

Когда в 1157 году умер Юрий Долгорукий, со всех сторон Руси к Андрею обращались с призывом взять всю Русь под Державу свою. В 1169 году к Андрею прибыла делегация из четырех князей и представителей 50 городов с просьбой защитить их от произвола киевского и других хищников. Андрей созвал собор во Владимире, который приговорил, что надо спасти Русь от пленения и разорения, для чего своих хищников укротить. Сам князь, признанный делегацией истинно Великим, в поход не пошел. Во главе войск он поставил своего сына Мстислава. Мстислав в 1169 году штурмом взял Киев, «мать городов Русских». Киев был отдан на три дня войску победителей на разграбление. Но все священные реликвии (чудотворные иконы, мощи святых, ризы, книги, колокола и пр.) были тщательно собраны и вывезены во Владимирскую землю.

С тех пор Киев навсегда утратил право называться столицей Руси. Его князья, лишённые прежнего материального могущества и покровительства чудотворных икон и мощей, уже зависели от воли Владимирских держателей и утратили самостоятельность. Андрей, сохранив за собой титул великого князя, не переехал в Киев и не стал удерживать его за собой лично, а посадил в нём брата Глеба, поцеловавшего ему крест на всей его воле. А вскоре он объединил под своей властью почти все княжества Киевской Руси, но столицей этой империи оставил Владимир.

Особое значение имеет тот факт, что Андрей подчеркнул исключительность своего государства и нововведениями в сфере религии. В то время, как центральные храмы Киева, Новгорода и многих других городов Киевской Руси посвящались Софии — Премудрости Божией, Андрей ввёл на Руси культ Покрова Богородицы, что было отмечено постройкой прекрасного храма Покрова Богородицы на Нерли. Смелость нововведений Андрея можно оценить,

если учесть, что праздник Покрова Богородицы был установлен в Византии в память о чудесном заступничестве Матери Божией за Константинополь, который был тогда осаждён... воинством киевских князей. И в дальнейшем в землях Андрея храмы посвящались преимущественно Богородице.

Замечу, что Андрей был женат не на княжне или принцессе, а на славянке Улите, дочери боярина Кучки, казнённого Юрием Долгоруким. Такой брак, по тогдашним меркам, считался явным мезальянсом.

И вот, по А. Синельникову, финал: *«Наконец, наступил долгожданный момент истины. В начале 1174 года противники и союзники пришли просить у Великого Князя защиты, суда и Правды. Предлагали провести во Владимире или Боголюбове общий съезд (собор). Андрей несколько месяцев молчал, наконец, отпраздновав Светлое Воскресение Господне, ответил: «Подождите немного, пошлю по братию свою на Русь».*

Но 28 июня 1174 года святой благоверный Великий Князь Киевский и Владимирский Андрей Георгиевич был убит заговорщиками в своем замке Боголюбове.

После короткого периода смуты на великокняжеский престол вступил его младший (сводный) брат Всеволод Георгиевич Большое Гнездо (прозванный так за многочисленность его потомства). Но наступала новая эпоха в истории Руси. К её границам приближалась Орда.

Всеволоду наследовал его сын Юрий Всеволодович, который погиб в битве с ордынцами. Владимирская Русь стала частью улуса Джучи империи чингизидов. Брату Юрия Ярославу Всеволодовичу пришлось получать ярлык на великое княжение у хана Батая.

Русские князья, ездившие в Каракорум, не просто повидали многие страны, но и знакомились с достижениями великой восточной империи – дорогами со станциями смены лошадей, с ямской почтой и пр. Это чрезвычайно расширяло их кругозор, давало им возможность ознакомиться со строем восточной демократии (выборность великого хана, участие женщин, конечно, только благородных родов, в выборах, единое законодательство, веротерпимость и т.д.) и, в конечном счёте, предопределило смену ориентации с Киева на Каракорум. Евразийцы были правы, когда утверждали, что Московская Русь была созданием не только киевских князей, но и монгольских ханов.

РУСЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ – АНТИПОД РУСИ ЮЖНОЙ

В Северо-Восточной Руси складывается совершенно иной общественный и государственный строй, чем был в Киевской Руси, основанный на самодержавии, на правлении великого князя (впоследствии царя) без веча и дружины, что характерно для русского менталитета. Совершенно иными стали и её торгово-экономические и культурные связи с зарубежьем.

Жители Суздальской земли уже не называют свой край «Русью». Для них, как и «для суздальского летописца «Русь» – Юг, Приднепровье, Киев. А он сам – житель земли Суздальской» (Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С.163)

Окончательную точку в противостоянии Киева и Владимира поставило ордынское нашествие. В результате его Киевская Русь пала и более не возобновлялась. Сам Киев был разрушен до основания. Опустошены были и другие срединные земли Киевской Руси. Западные её земли постигла иная участь. Князь Даниил Романович получил титул короля от римского папы, под покровительство которого отдал галицкие и волыньские земли. Позднее Киев и большая часть Правобережной и частично Левобережной Украины, а также земли нынешней Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, которое образовало унию с Польшей. Южные области подвергались систематическим набегам со стороны образовавшегося в XV веке Крымского ханства, и после каждого налёта длинные вереницы пленных украинцев тянулись на юг, чтобы пополнить невольничьи рынки в разных концах Европы и Азии. В XVI веке возникла Запорожская Сечь – центр украинского казачества, жившего не столько хозяйственной деятельностью,

сколько военной добычей. Эта казацкая военная демократия вела почти непрерывные войны с Польшей, Крымским ханством, Турцией и Россией. В этой обстановке формировалась украинская нация. В землях литовских образовался белорусский народ (государственным языком Литовского государства был белорусский).

Но только внуку Ярослава, младшему сыну Александра Невского Даниилу, которому достался в удел город Москва, пришлось сыграть роль основателя нового Великорусского государства. На протяжении нескольких столетий произошло «Собирание русских земель вокруг Москвы», что привело к образованию империи **Даниловичей**. В ней и выработалась у русских «служилая» система ценностей с обострённым чувством долга (в противовес западному акценту на чести), почитанием личных, а не родовых заслуг, подчинением частной и семейной жизни «общему делу» и т.д.; словом, тот комплекс, какой отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Именно в империи Даниловичей сложился тот тип государственности, который **определил на века облик России и русского человека – Православное Самодержавие**. В правление Великого князя Московского **Василия II** утвердилась идея строя Православного Самодержавия - *«один народ, одно государство, одна вера»*. *«Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное самосознание по существу никогда не подымалось»* (Карташов А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; М., 1991. С.32.)

Столица мирового православия перешла из павшего Второго Рима в Москву, Василий II получил свыше посвящение в **«подлинного вселенского царя всего православия»**. А в правление **Ивана III** Европа увидела возникшую на её восточных окраинах **«огромную империю»** московитов. В это время произошла смена вектора европейской политики России с северного (Германия, Франция) на южный (Италия), и этот поворот оказал большое влияние на развитие русской культуры. Идея «Москвы - Третьего Рима» становится основой официальной государственной идеологии. Заканчивается эта эпоха грандиозной утопией христианского государства **Ивана Грозного**. Учреждается опричнина как духовно-рыцарский орден. **Самодержавная революция** окончательно утверждает основной принцип русской государственности. **Православие было в тот период лишь иным выражением принципа идеократии, а самодержавие – формой проявления принципа нераздельности власти. И оба эти принципа и в дальнейшем соединялись в русском мессианизме: Россия должна быть мировым лидером, будь то страна с единственно правильной верой (как при Василии II) или с наиболее совершенным общественным устройством (как в СССР), и открыть путь в светлое будущее всему человечеству. Отсюда и стремление русских сбиться в тоталитарный монолит, и поиск сверхмиссии.**

А вечной оппозицией носителям этой идеологии - московским князьям-царям - было родовитое боярство, имевшее (и стремившееся навязать обществу) противоположные взгляды на смысл жизни человека и его достоинство, традиционные для европейцев (и для Киевской Руси). То есть оно в России было объективно прозападной партией. (Ныне преемником боярства выступает, по самоназванию, «креативный класс» - в основном творческая интеллигенция средней руки и офисный планктон.)

Торжество «боярской правды» в правление Бориса Годунова, расцвет спекуляции и коррупции привели к **Смуте**, после которой империя Даниловичей сменилась её отрицанием - империей Романовых. Романовы не были Рюриковичами, а всего лишь боярами. И с точки зрения князей, оказавшихся подданными царя, Романовы представляли собой выскочек, не имевших законного права на трон. (Это тонко уловил Пушкин, у которого в «Борисе Годунове» оппозиционеры толкуют между собой: *«Шуйские, Воротынские – природные князья»*.) Поэтому отношение первых Романовых на троне к князьям-Рюриковичам было двойственное. С одной стороны, они чувствовали свою чужеродность в среде этих «природных

князей», ощущали нечто вроде зависти к ним и долго опасались заговоров с их стороны. С другой – им хотелось подчеркнуть, что они – продолжатели дела Рюрика и его потомства, властители созданного Рюриковичами государства. Почти все цари, а впоследствии императоры из династии Романовых стремились подражать западному образу жизни, «цивилизовать» Россию и втянуть её в Европу. А со времён Петра III и Павла I русские императоры женились на немецких принцессах, что также как бы делало их причастными к делу германца Рюрика. Поэтому для Романовых было естественным торжественно отметить в 1862 году 1000-летие российской государственности. Как известно, политика Романовых на втягивание России в Европу кончилась грандиозным крахом.

Октябрьская революция 1917 года положила конец этой западнической России и открыла новую, советскую эпоху в истории нашей страны.

Советский период, по историческим меркам короткий (всего 74 года), оказал огромное влияние не только на жизнь народов нашей страны, но и на судьбы всего человечества. Уверен, что изучение его опыта, причин успехов и провалов будет служить основой для выработки путей развития России в ближайшие десятилетия. И этот опыт ещё послужит не только России, но и всему человечеству.

Мы живём в переходный период, когда советский строй рухнул, попытки построения капитализма в современной России окончились крахом, а форма правления, государственный строй и общественные отношения, которые придут на смену нынешним, ещё не ясны.

ТАК СКОЛЬКО ЖЕ ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

И вот в этой обстановке полной неясности в отношении будущего России в стране торжественно отпраздновали 1150-летие российской государственности. Дескать, в 862 году новгородцы призвали варяжского князя Рюрика править их великой и обильной землёй, в которой, однако, нет «наряда», должного управления. А когда Олег захватил Киев, возникла Киевская Русь, с порядками которой решительно порвал Андрей Боголюбский.

Значит, Россия торжественно отметила 1150-летие мирного захвата Новгорода отрядом варягов - разбойников, которые потом огнём и мечом распространили свою власть на всю тогдашнюю Русь и угнетали её народ? И в то же время она не намерена отпраздновать случившееся ровно триста лет спустя становление единой державы в зачатке Русского государства – в великом княжестве Владимирском, в котором были заложены основы именно русской государственности? Не покажется ли такой юбилей странным тем, кто хотя бы немного в ладах с историей? И не будет ли стыдно за него организаторам перед потомками?

ЗАРОЖДЕНИЕ УКРАИНСКОЙ НАЦИИ

Это историческое событие произошло в XV веке. Сердцевинной будущей украинской нации стало казачество. Казак – это человек, добывающий своё пропитание оружием. Запорожская Сечь, эта единственная в своём роде казацкая республика, была паразитическим образованием. Она, находясь между Россией, Польшей, Крымским ханством и Турцией, воевала то с одним, то с другим своим соседом и жила тем, что добывала во время набегов на соседей (регулярной хозяйственной деятельности она не вела и вести в условиях почти непрерывной войны не могла).

Не упускали казаки возможности пограбить не только бусурман, но и своего северного соседа, когда для этого представлялась возможность. Особенно буйствовали они на российской земле во время Смуты начала XVII века.

Казак по самоощущению был сверхчеловеком, не будучи таким на деле. Русскому такое самоощущение было абсолютно чуждо, хотя, если бы какое-нибудь разумное существо извнеземной цивилизации изучало историю землян, оно пришло бы к убеждению, что русские – это действительно сверхлюди. Создать великое государство

на пространстве, которое, по представлениям европейцев, вообще непригодно для жизни, – это чудо. Ещё большее чудо – за 10 лет превратить разорённую и неграмотную страну во вторую индустриальную державу мира, разгромить самую страшную в истории человечества нацистскую военную машину и снова стать единственной преградой на путях хищников-гегемонистов всех мастей – это, казалось бы, не в человеческих силах. Но люди, совершившие эти подвиги, скромно говорили о себе: «Да, мы – народ-победитель, но мы лишь выполнили то, чего ждала от нас Родина!»

КАЗАКИ БУЛЬБЫ И КАЗАКИ САГАЙДАЧНОГО

Главным певцом казачества в русской литературе был Николай Гоголь. Доказательством русского патриотизма Гоголя принято считать повесть «Тарас Бульба». В ней, принятой с восторгом едва ли не всеми как произведение героическое и патриотическое, Гоголь выразил свой **идеал человека: это - запорожские казаки**. Горячий приём повести именно русскими основан на полнейшем недоразумении. Да, сердцевиной будущей украинской нации стало казачество, но сердцевиной духовной, а не этнической. Ведь казачество – это сборище лиц разных этносов. В Запорожской Сечи встречались не только малороссы, но и великороссы, и поляки, и татары, и армяне, и лица совсем уж экзотических для этих мест этносов – венгры, потомки «чёрных клобуков» и даже турки. Часто это были разорённые беглецы, преступники, авантюристы. Значительная часть сечевиков в этническом отношении не имела ничего общего с малороссами, тогда преимущественно крестьянами.

Вот как рисует Гоголь общую картину Сечи: *«Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспредельное пиршество...»*

Но пиршествовать можно было только до тех пор, пока были деньги. Значит, за пиршеством должен был наступать военный поход за добычей. И те, кто возвращались из похода живыми, могли снова пировать. А на место тех, кто погиб, из похода не вернулся, приходили новые любители такой разгульной жизни, не обременённой производительным трудом и житейскими заботами. Казачество было особым образом жизни, совершенно не схожим с оседлым хлеборобским бытием малороссов. Вот таким был «жизненный цикл» казачества: пир, грабёж, снова пир и т.д. Редко кто из сечевиков доживал до старости.

Казак, столь романтично представленный Гоголем, а уж тем более – реальный, как идеал русским совсем не подходил. Гоголь, живописуя это сообщество анархистов, сам замечает, что оно умело «только гулять да палить из ружей». Для казаков *«всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы»*. В общем, казаки вели себя совершенно так же, как и западноевропейские благородные рыцари, искавшие себе чести и славы, или как викинги (варяги), промышлявшие разбоем и предававшие потом гульбе. И Гоголь воспел *«то поэтическое время, когда всё добывалось саблею»*.

ЗА КАКУЮ РУСЬ И ЗА КАКУЮ ВЕРУ УМИРАЛИ КАЗАКИ

Казаки, как принято считать и как были уверены сами, защищали православную веру и готовы были умереть за неё, но их «символ веры» был прост: «Веровать во Христа и в Святую Троицу, ходить в церковь», но и слышать не хотели о посте и воздержании.

«Бульбу» «проходят» в школе, поэтому повесть издаётся в усечённом виде, и редко кто перечитывал её полный текст, будучи уже взрослым. Щадят издатели чувства читателей, опускают сцены чудовищной жестокости, проявляемой казаками. Порой казаки устраивали погромы, швыряя еврейских торговцев в волны Днепра. А как расправлялись они с поляками (так сказать, на взаимной основе)! Сжигали деревни, угоняли или убивали скот, отрезали груди у женщин, кидали в пламя матерей вместе с младенцами. Жестокость в людях часто соединяется с сентиментальностью, которой окрашены, например, многие казацкие песни.

Но повесть написана так, что завораживает. Вряд ли был в России, на Украине и в Белоруссии хоть один юноша, который, читая «Тараса Бульбу», не переживал бы за таких казаков, как Кукубенко. Читателей подкупало то, что казаки погибали в боях со словами: «*Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!*». Вот и Тарас, сжигаемый врагами на костре, кричит: «... *подымется из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!*...»

Только не знали читатели, что в XV-XVI веках Русью в тех местах называли Киев и его окрестности, бывшие южнорусские княжества. Владимир Мавродин говорил «о наименовании Русью, Русской землёй только области среднего Приднепровья... города Киев, Чернигов и Переяславль (Русский, Южный), в отличие от Переяславля-Залесского» (Цит. соч., с. 163). Жителей же Московского государства западноевропейцы называли москвитами, а казаки – москалями. И, конечно же, говоря о русских, о русской земле и её царе, Бульба вовсе не имел в виду москвичей или вологжан.

Описание Сечи у Гоголя слишком романтическое. Но есть и более трезвые исследования этого феномена. (Наверное, самое свежее из них – вышедшая в 2008 году в издательстве «Алгоритм» книга Александра Андреева «Казаки Запорожской Сечи Тайный орден Днепра».) Эта орда не была ни государством, ни рыцарским орденом, а сообществом любителей лёгкой, но и опасной жизни воинов-грабителей.

Многие авторы рисуют непривлекательный духовный облик казаков. Клятвопреступление, двоедушие, изворотливость, ложь, бегство с поля боя, дезертирство, стяжательство, жадность, поиски виновных среди безвинных, доносы и оговоры не были редкостью. И тут нечему удивляться: рядом жили, ели из одного котла часто люди, ещё вчера не знавшие друг друга, и неизвестно, останется ли вчерашний пришелец в Сечи или завтра уедет искать другое место для житья и поиска наживы... Перейдём от казаков Бульбы к казакам более поздних времён.

Уже после избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова казаки продолжали буйствовать на Русской земле. Особенно запомнился москвитам поход на Москву (вместе с поляками) 20-тысячного войска казаков во главе с гетманом Петром Сагайдачным Конашевичем в 1618 году. Первой на его пути оказалась второстепенная крепость Ливны с гарнизоном менее тысячи человек. «Ливенское разорение» нашло своё отражение в летописи:

«А пришол он, пан Саадачной, с черкасы (так тогда на Руси называли запорожских казаков) под украинной город под Ливны, и Ливны приступом взял, и многу кровь християнскую пролил, много православных крестьян и з женами и з детьми посека неповинно, и много православных християн поруганья учинил и храмы Божия осквернил и разорил и домы все християнские пограбил и многих жен и детей в плен пошмал».

Захватив по пути Путивль, Рильск, Курск, Валуйки, Елец, Лебедянь, Данков, Скопин, Рязск и отметившись многими аналогичными «подвигами», Сагайдачный подступил к Москве. Владислав подошёл к Тушино, а Сагайдачный — к Донскому монастырю в пригороде Москвы. Москву атаковали с двух сторон. Во главе московских войск стоял князь Д. М. Пожарский. В наступившем беспорядочном уличном сражении обе армии понесли тяжёлые потери, однако нападавшие не смогли взять внутренние городские стены. Казаки пожгли окрестности Москвы, а Владислав двинул армию к Троицкому монастырю, но тот тоже устоял. Война России с Польшей закончилась невыгодным для нас Деулинским миром.

А что же казаки? Они за разорение земель Русского царства получили от польского короля плату — 20 тысяч золотых и 7 тысяч штук сукна. Часть их (4 полка), не удовлетворившись полученной платой, ушли грабить на север в Архангельский край, где были разгромлены в 1619 году. Другая объявила о переходе на московскую службу. Часть запорожцев ушла в Европу и нанялись к австрийскому императору Фердинанду для участия в боях Тридцатилетней

войны на Рейне, Палатинате (название Рейнского Пфальца) и в Венгрии. Некоторые отряды при посредничестве крымского хана Шагин-гирея нанялись на службу к персидскому шаху Аббасу, воевавшему тогда с Турцией. Вот кто такие запорожские казаки. Чувствовали они своё единство с русскими, принадлежность к единому русскому народу?

Ну, а сам Сагайдачный? В 1620 году он, как ни в чём не бывало, не чувствуя никакой вины перед русскими за разорение их земли, выразил готовность запорожских казаков служить царю. Но его служба не потребовалась. В битве поляков и казаков с турками и крымскими татарами под Хотинем в 1621 году Сагайдачный был ранен отравленной стрелой, тяжело болел и скончался в Киеве в 1622 году.

ВОССОЕДИНИЛАСЬ ЛИ УКРАИНА С РОССИЕЙ В 1654 ГОДУ?

Идея навстречу просьбам казачьих вождей о присоединении к ней, Россия вступает в 14-летнюю войну с Польшей – в ущерб своим интересам. (У неё тогда намечился союз с Польшей против Швеции, что давало возможность решить давний «ливонский вопрос», и от неё пришлось отказаться.) Гетман Богдан Хмельницкий выбрал как наименьшее из зол союз с Россией. Переяславская рада приняла решение о переводе Украины (это была тогда сравнительно узкая полоска земли на левом берегу Днепра) под протекторат России, что в самой России было воспринято как присоединение Украины к ней. Но Хмельницкий вовсе не стремился к воссоединению Украины с Россией, а лишь надеялся на вовлечение России в войну с Польшей. Действительно, Польша бросила все силы против России, и это позволило казакам очистить от панов всю тогдашнюю Украину (земли вокруг Киева). Хмельницкий ранее служил польскому королю, воевал с русскими. Он участвовал в польско-турецкой войне 1620—1621 годов, во время которой погиб его отец, а сам он попал в плен, где, выучив турецкий и татарский языки, потом был выкуплен родственниками. С конца 1620-х годов участвовал в морских походах запорожцев на турецкие города.

Богдан Хмельницкий пользовался уважением при дворе польского короля Владислава IV. А непосредственным поводом для его восстания против поляков стала допущенная в отношении его несправедливость. Хмельницкий имел небольшой хутор Суботов (по названию реки Суба), близ Чигирина. Воспользовавшись его отсутствием, польский подстарosta, ненавидевший Хмельницкого, напал на его хутор, разграбил его и оскорбил родственников владельца. Хмельницкий начал было искать возмездия на суде, затем у короля, но в итоге был обвинён в заговоре и заключён местными польскими властями в тюрьму, откуда смог освободиться только благодаря заступничеству казацких старшин.

Пылая жаждой мести, Хмельницкий собрал вокруг себя группу казаков и прибыл в Запорожье. Он призвал запорожцев идти на Сечь, где тогда находился польский гарнизон. Отряд Хмельницкого разбил польский гарнизон. Реестровые казаки гарнизона присоединились к отряду Хмельницкого. Заручившись поддержкой со стороны крымского хана и дождавшись 3-4-тысячного отряда татар, 8-тысячное казацкое войско вышло из Сечи. Перехитрив поляков, Хмельницкий разгромил их отряд и завладел его артиллерией. Это помогло ему в следующей битве уничтожить почти всю армию Польши мирного времени — более 20 тысяч человек.

Набрав новую армию численностью 35-40 тысяч человек, поляки перешли в наступление. Но казакам удалось уничтожить и эту армию противника, захватить 90 пушек, огромные запасы пороха и другие трофеи. Но большая часть добычи и пленных, однако, досталась татарам. В связи с этим в армии Хмельницкого стало много недовольных. Участились случаи и размах грабежа местного мирного населения. Далее казаки то одерживали победы, то терпели поражения. Зато сам Хмельницкий въехал через Золотые Ворота в Киев, который приветствовал его перезвонами церковей, пушечными выстрелами и тысячными толпами народа. Хмельницкий быстро превращался из сторонника «казацкой автономии»

в освободителя от польской неволи всего украинского народа.

Однако Хмельницкий принял королевскую грамоту на гетманство Войска Его Королевской Милости Запорожского и благодарил короля. Он писал королю польскому покаянное письмо. Такие же, с заверениями в верности, покорности и вассалитете, писались и крымскому хану, и турецкому султану. Они свидетельствуют о нежелании Хмельницкого пойти к кому-либо на службу, и о продолжении дипломатической игры.

Положение Хмельницкого было довольно затруднительное. Его популярность значительно упала. Народ был недоволен союзом гетмана с татарами, так как не доверял последним и много терпел от их своеволия. А Хмельницкий не считал возможным обойтись без помощи татар. Но именно их измена привела к страшному поражению казаков в Берестецком сражении. При этом сам Хмельницкий якобы был задержан крымским ханом, но в действительности, как утверждал о. Бузина, он опасался, что, если явится к казакам, потерпевшим поражение, они его выдадут полякам, чтобы вымолить себе жизнь. То есть, он дезертировал, а явился к удручённым казакам, когда опасность его выдачи миновала, и снова возглавил освободительную борьбу украинцев.

Началась жестокая партизанская война с поляками. Жители жгли собственные дома, истребляли припасы, портили дороги, чтобы сделать невозможным дальнейшее движение поляков в глубь Украины. Поражение в Берестецкой битве было последней каплей, которая переполнила чашу взаимной ненависти и сделала невозможным совместное проживание Польши и Казацкой Руси под одной государственной крышей. Война из гражданской превратилась в польско-украинскую. Народ упрекал Хмельницкого в том, что он заботится только о своих выгодах и о выгодах старшины, о народе же совсем и не думает. Результатами восстания и карательного похода поляков стали огромные потери украинского населения. В 1650-х годах численность населения Украины стала меньше, чем в конце 16 века. На ранее цветущей Украине наступил голод. Цены на хлеб поднялись так быстро, что вскоре населению нечем было платить. Подошли эпидемии. В 1650 г. от Днестра до Днепра *«люди падают, лежат как дрова»*.

Хмельницкий снова обратился в Москву прося царя о принятии его в подданство. 8 января 1654 года на раде в Переяславле народ единодушно закричал: «Волим под царя московского, православного». Но ведь мы уже знаем казаков: им изменить своё решение ничего не стоит. В начале 1657 года Хмельницкий, чувствуя приближение смерти, велел созвать в Чигирине раду для выбора ему преемника. В угоду старому гетману рада избрала его 16-летнего сына Юрия. Вскоре Хмельницкий умер от кровоизлияния в мозг в Чигирине.

Итак, Хмельницкий до конца жизни вёл дипломатические игры с четырьмя своими соседями – с Польшей, Россией, крымским ханством и Турцией, стараясь уверить их государей в своей преданности. Сам Богдан Хмельницкий решился на то, чтобы обратиться к Москве за протекторатом, но не с просьбой о включении Украины в состав Российского царства. И ещё неизвестно, как бы он повёл себя, если бы польский король согласился признать независимость всей Украины. В свою очередь, складывающаяся украинская нация XIX века подчеркивает свою разность с русскими. «Отец украинской историографии» Михаил Грушевский Грушевский видел в Хмельницком лидера украинского государства, лишь использовавшего Москву в борьбе с поляками как непосредственными угнетателями (так же, как и крымского хана). Но западноукраинскими интеллектуалами Хмельницкий воспринимался как человек, в борьбе за Украину потерявший её свободу: *«Ой, Богдан, Богдан, славный наш гетман, зачем отдал Украину москалям поганым?»* И до сих пор раздаются эти упреки ему.

В постсоветской украинской историографии Хмельницкого стали рассматривать как одного из отцов государственности. Была сформулирована концепция «украинской национальной революции». Промежуточный

вывод настоящего исследования таков: русские (великороссы) и украинцы - совершенно разные народы, и вхождение Украины в состав России или даже создания их союза не будет гладким. Это и подтвердило развитие событий на Украине сразу же после смерти Богдана Хмельницкого.

БОРЬБА ПРОРОССИЙСКИХ И АНТИРОССИЙСКИХ СИЛ НА УКРАИНЕ

Сразу же после смерти Богдана Хмельницкого его сын Юрий, вступавший в сговор то с поляками, то с крымчаками, то с турками, был виновником тяжёлых поражений русских войск (Несчастный кончил тем, что был задушен турками в тюрьме). Последующие гетманы продолжали эту линию. Словом, произошло то, что не раз случалось с народами, «облагодетельствованными» Россией.

Но всякий раз победа «самостийности» оборачивается новым подчинением Польше, которая признала привилегии казацкой старшины, чтобы вернуть под панский гнёт рядовых казаков и крестьянство. А крымские татары уже безнаказанно грабили украинские города и сёла, уводя каждый раз тысячи пленников-рабов. (Украинские историки называют это время «Руиной».)

Гетманы (в том числе и возведённые впоследствии в герцоги, воспетые в народных песнях) и казацкая верхушка постоянно металась к полякам, татарам, туркам... Взять хотя бы гетмана Петра Дорошенко. Он и казацкая рада согласились на подчинение Правобережной Украины Турции, а потом вместе с турками воевали против русских войск. Гетман довёл Правобережную Украину до полного разорения, а ведь именно на землях полян, дреговичей, тиверцев и уличей и сложилась украинская нация. Естественно, он утратил поддержку народа, казаки его тоже оставили. Наголову разбитый, он сдался русским. И что же сделала с этим изменником Москва? Послала его воеводой в Вятку, а потом предоставила ему вместо денежного жалования имение Ярополец, где он и закончил свою мятежную жизнь. В числе его потомков была и Наталья Гончарова, жена Александра Пушкина. В войске Дорошенко служил и Мазепа, выполнял его поручения, а потом выдал Москве все секреты своего бывшего начальника... По словам журналиста Сергея Макеева, *«Гетманы всегда предавали Россию в самый трудный момент. При этом и речи не шло о «незалежности» и «самостийности»: только о смене подданства и о временных выгодах для гетмана и его окружения, так обстояло дело и в случае с Мазепой. Никогда не было действительно народной республики, защищавшей «чернь» от наглой польской шляхты, турецко-татарских поработителей и русских бояр»*. Видя, что без защиты армией России народу грозит гибель, украинские города просят русского царя принять их страну под свою высокую руку и править ею «по всей его государевой воле». Так, поэтически, пролив немало крови своих воинов, Россия присоединила к себе всю тогдашнюю Украину (не включавшую то, что ныне называют Новороссией и Крымом).

Не потому ли Екатерина II решила избавиться от очага бунтовщиков (казаки составляли ударную силу самозванцев и предводителей крестьянских войн в России – Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачёва, войн, которые потрясли самые основы Российского государства) в центре империи и ликвидировала Сечь, запорожских же казаков переселила на Кубань, наделила землёй и поставила на охрану южных рубежей государства. Так окончательно сформировалось сословие казаков – земледельцев и воинов. В итоге как бы частично осуществилась в новой форме идея Александра I, осуществление которой царь тогда поручил Аракчееву, о создании военных поселений, обитатели которых были бы солдатами, но кормили бы себя сами.

Русский человек – служивый человек, государственник, его идеалом никак не могли быть гульба, пальба и анархия (разве что в свободное от службы время). Но и казаку жизнь служивого русского человека (прозаическая на вид, но часто исполненная героизма и, во всяком случае, чувства долга) должна была казаться скучной и унылой. Но

написана повесть «Тарас Бульба» изумительным языком, это — самое живописное произведение Гоголя: ведь речь идёт о казаках, прежних, славных украинцах. Не удивительно, что и многие русские воспринимали автора повести как своего, русского писателя.

МЕНТАЛИТЕТ КАЗАКОВ И УКРАИНЦЕВ

Испытав на собственной шкуре и последствия казацких набегов на российские земли, и бесчисленные метания за-порожских казаков от России к Польше (и даже к Турции) и обратно, российская правящая элита поняла, что рассчитывать на этих казаков как на надёжную нашу опору не приходится, и что порядок на присоединённой Украине надо поддерживать при наличии там наших войск и при строгом наблюдении за шалостями казацкой верхушки. Запорожских казаков не переделывать, их существование «набеговой экономикой», при которой они зарабатывали на пропитание (а точнее — на разгульную жизнь) внезапными нападениями на ту или другую из окружающих Украину стран, быстрым грабежом того, что легко можно было унести с собой, и возвращением в Сечь, где можно было кутить на привезённую добычу, выработали у них особый взгляд на жизнь, уникальное мировоззрение, отношение к окружающему миру, напоминающее отношение хищника к жертве, преобладание сиюминутного интереса, нынешней выгоды над долгосрочными перспективами. К тому же казак ощущал себя сверхчеловеком, свысока поглядывающим на крестьянина или ремесленника, занятого тяжёлым повседневным трудом, на российского солдата, несущего тяжкую многолетнюю службу.

Каждый казак считал себя по меньшей мере равным другому, он был вольной птицей, и дух казацкой вольницы отличал это сообщество от всех других. Гоголь великолепно описал нравы казаков, их удаль в набегах, богатую их добычу, когда драгоценные камни они делили между собой шапками, их развесёлое житьё с обильными возлияниями (способность выпить в один дых целую вместительную чарку горилки (почти чистого спирта) тоже входила в число казацких добродетелей). Мужественные, смелые, отчаянные казаки, герои набегов и морских походов, живущие такой роскошной жизнью, за которую подчас приходилось жизнью же и платить, которым важно было воевать, а где и с кем воевать — дело второе, служили примером украинскому юношеству. Казацкий менталитет в той или иной мере был усвоен всем украинским обществом. Но он не способствовал выработке государственнического духа, инстинкта государства. И эта удаль казаков проявлялась лишь в периоды пассионарности, а их было два: у Сагайдачного и у Богдана Хмельницкого. После этого украинские казаки превратились в мирных обывателей.

Всё сказанное выше относилось только к запорожским казакам (черкасам). Другое дело — донские, яицкие и другие (вплоть до бурятских) казаки. О таких предводителях казацких отрядов, как легендарный Ермак Тимофеевич, Ерофей Хабаров, Василий Поярков, Семён Дежнёв, Лев Толстой сказал, что они создали Россию. На фоне казаков, в труднейших условиях присоединивших к России неизмеримые пространства, богатые ценнейшими природными ресурсами, запорожские казаки с их вольницей и непредсказуемостью, казались каким-то чужеродным элементом.

Ну, а после того, как запорожские казаки были удалены с Украины, кто же там остался из «благородных»? А те самые перерепенки и догочуны, малороссийские дворяне, занятые своим хозяйством — садочком, свиньями и гусями, торговлей на ярмарках, подсобных Сорочинской. Казацкой удали и вольницы у них не осталось, но зато возрос эрзац этих качеств — хохлацкая спесь. Гоголь, наблюдая их, имел все основание сказать: скучно на этом свете, господа!

ОТКУДА ЖЕ ЗАРОДИЛАСЬ ИДЕЯ О ТРИЕДИНОМ РУССКОМ НАРОДЕ?

Дело в том, что Московское государство при двух первых царях династии Романовых не успело устранить последствия военного разорения. А Киев стал вновь, как и при

Ярославе Мудром, очагом восточноевропейской образованности, с церковной Академией, где преподавание было поставлено на хорошем европейском уровне. Студентов там учили широкому кругу наук, и не только богословию и греческому и латинскому языкам, но и стихосложению. Однако положение самой украинской элиты в российском обществе оставалось крайне неустойчивым. Например, в Москве раздавались требования проверить всё украинское духовенство на чистоту его православия, учитывая, что многие известные украинские священнослужители и монахи подолгу учились в Европе, в католических и протестантских академиях. Ещё более шатким было положение шляхты — украинского дворянства. Трудно было бы всяким перерепенам и догочунам доказать своё благородное происхождение. В этих условиях наиболее дальновидные духовные деятели Украины предприняли очень смелый шаг. Он разобран в книге А. Миллера «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)», издание 2013 г.

«В 1674 г... в Киеве был впервые напечатан «Синописис». В этой книге говорилось о единстве Великой и Малой Руси, о единой государственной традиции Киевской Руси, об общей династии Рюриковичей и даже о едином «русском», или «православнороссийском», народе». Её автор преследовал конкретные цели: во-первых, дать московскому царю мотивацию для продолжения борьбы с Речью Посполитой за освобождение из-под власти католиков остальной части «единого православного народа», а во-вторых, облегчить элите Гетманата инкорпорацию в русское правящее сословие. Но «Синописис» вплоть до 1760-х гг. оставался единственной в России учебной книгой по истории. Как показано в исследовании А. Ю. Самарина. «В качестве чтения «для народа» «Синописис» сохранял популярность вплоть до середины XIX в. К этому времени он выдержал уже около 30 изданий... Именно «Синописис» лежит у истоков Русского Исторического Нарратива. В. Н. Татищев прямо указывает на «Синописис» как на один из источников своих взглядов. «Дух «Синописиса» царит и в нашей историографии XVIII в., определяет вкусы и интересы читателей, служит исходной точкой для большинства исследований, вызывает протесты со стороны наиболее серьёзных из них — одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершается развитие исторической науки прошлого столетия», — писал П. Н. Миллюков... те элементы его схемы, которые относятся к единству Великой и Малой Руси, можно найти у всех авторов «истории России» — от Н. М. Карамзина до С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского».

Вообще культура, известная нам сегодня под названием русской, была в XVIII и первой половине XIX в. плодом совместного творчества элит великорусской и малорусской. Как видим, идея «Синописиса» имела полный успех. Были не только посрамлены ведущие деятели русского духовенства, сомневавшиеся в чистоте духовенства Малороссии, но и её шляхта вошла в ряды российского дворянства, и за шляхтичами пошли в ход и вообще предприимчивые малороссы, переезжавшие в поисках более хлебного места в Россию.

МАЛОРОССЫ ПОКОРЯЮТ МОСКВУ И ПЕТЕРБУРГ

И вскоре выходцы из Украины стали играть определяющую роль в культурной жизни российских «верхов». Всё началось с, казалось бы, частного эпизода. Когда Алексей Михайлович вошёл в освобождённый от поляков Смоленск, монаху Симеону Полоцкому удалось лично поднести царю приветственные стихи своего сочинения. Стихотворное обращение к царю для москвитов было в диковинку. Через некоторое время Симеон переехал в Москву. Царь поручил ему обучать молодых подьячих Приказа тайных дел. Затем Симеон заинтересовал царя театром, которого в Москве также не было. И вскоре он стал главным идеологом двора, основателем придворного театра, ведущим писателем России, «законодателем мод» в литературе и воспитателем царских детей (рождённых от Милославской: Алексея, Софьи и Фёдора), главным проводником польской культуры. Хотя этот Симеон Полоцкий (в миру — Самуил Гаврилович Петровский-

Ситнянович), по мнению протоиерея Георгия Флоровского, был «довольно заурядный западнорусский начётчик, или книжник, но очень ловкий, изворотливый, и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твёрдо стать в озадаченном Московском обществе <...> как пиит и виршеслагатель, как учёный человек для всяких поручений». Родился он в Полоцке, который в то время входил в Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой. Учился в Киево-Могилянской коллегии. Возможно, во время обучения в Виленской иезуитской академии Симеон Полоцкий вступил в греко-католический орден святого Василия Великого. Вернувшись в Полоцк, принял православное монашество.

Симеон активно участвовал в подготовке, а затем и проведении Московского собора по низложению патриарха Никона. (О нём и о его творчестве в 2011 году вышла в Минске книга Бориса Костина, которая так и называется: «Симеон Полоцкий».) И вот, **едва избавившись от опасности опустошительных казацких набегов, Россия (Великороссия) при первых царях из династии Романовых надолго подпадает под духовную оккупацию поляков, малороссов и иных носителей западно-славянской культуры.** «Будучи европеизированы в большей степени, чем великороссы», они оказались «учителями русских» в научении именно западным, польско-латинским ценностям, ценой отказа от своих русских (великоросских и украинских). В украинских наставниках не видели иностранцев, и, например, «с иностранным засильем боролись, но с немецким, а не с украинским!»

Но ещё до Симеона Полоцкого в Москве появились украинские просветители русских. Москва широко открыла двери перед образованными выходцами с Украины, желавшими познакомиться с высотами мировой культуры. Первые школы после окончания Смуты создавались украинцами, ими же были написаны учебники, по которым обучались и украинцы, и русские. По этим и другим книгам, написанным украинцами, учился позднее поморский юноша Михайло Ломоносов. Как показал российский учёный Кирилл Фролов («НГ», 30.07.1998), в результате воссоединения 1654 года уроженцы Киева и Львова сделали хозяевами положения на научном, литературном и церковном поприще России. Идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей мере в Киеве. Согласно «Синописису, не только «русский», «российский», «славянороссийский» народ – един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и от «племени его» весь целиком... Россия – едина. Её начальный центр – царственный град Киев, Москва – его законная и прямая наследница в значении общего «православно-российского» государственного центра.

Подыгрывая царю Алексею Михайловичу в его стремлении овладеть Константинополем (подзуживали его на это провокаторы-иезуиты, желавшие втравить Россию в войну с Турцией, чтобы тем самым уменшить силу натиска турок на Священную Римскую империю Германской нации), киевские монахи унифицировали духовную литературу на Руси. Это после изменения части церковной службы и обрядности патриархом Никоном привело к расколу в Русской Церкви, идеологическое и кадровое обеспечение которого обеспечивали выходцы с Украины. Оно также привело к маргинализации московской культуры. Все те духовные богатства, которые Русь накапливала в течение пяти веков, после такой «реформы» надолго оказались в забвении.

Приезжие просветители были поражены невежеством москалей, которые не проходили в школах ни тривиума, ни квадривиума (так именовались на Западе две ступени средневекового обучения «семи свободным искусствам») и не слышали о понятиях «тезис» и «антитезис». Самобытная русская культура, тогда процветающая, была им чужда, и они её попросту не заметили, как и высокий уровень грамотности (что было утрачено в имперский период и потому объявлено историками как бы не бывшим). Русские в свою очередь не вполне понимали своих просветителей, ибо уже привыкли к тому, что истина не рождается в диалектических диспутах с тезисами и антитезисами,

а просто объявляется на Соборной площади царским указом. Но чужеродные правила стихосложения, например, усваивали. Только плоды их выглядели часто просто чудовищно, можно привести тому множество примеров.

«Всё это дало повод, – продолжает Кирилл Фролов, – известному русскому философу Николаю Трубецкому утверждать, что **«та культура, которая со времён Петра живёт и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры»**, что русская культура XVIII – XIX веков – это русская культура в её малороссийской редакции.

При Петре I, нуждавшемся в образованных на западный образец помощниках, почти всё высшее духовенство было из выпускников Киевской академии (Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Димитрий Ростовский, Филофей Лещинский и т.п.). Пётр, по словам одного из самых известных и проникновенных церковных русских писателей Евгения Поселянина (Погожева), автора книги «Русская Церковь и русские подвижники 18-го века» (СПб., 1905), нашёл верного помощника в деле преобразования Русской Церкви в лице украинца («дважды выкреста»), как писали о нём недоброжелатели) Феофана Прокоповича. Феофан... «из пребывания своего среди католиков (ради получения образования) вынес глубокую ненависть к ним, особенно к иезуитам. К сожалению, избавленный от влияния латинства, он всю жизнь тяготел к протестантизму». В личном плане широко образованный Феофан был «угодливым пером», честолюбец, ловкий интриган с изворотливым умом, остроумием, железной волей, настойчивостью и непреклонностью в достижении цели, любитель сытно и вкусно поесть. Особенно поражало его корыстолюбие». Трудно, кажется, представить себе архипастыря, столь не соответствующего русскому представлению об идеале святителя. Феофан «был широк в расходах... Но нельзя, к счастью его, не сказать, что он был щедр и любил помогать даровитым молодым людям, которых на свой счёт отправлял учиться за границу».

Феофан и стал творцом того «Духовного регламента», который определил направления реформы Русской Церкви. Если Феофан Прокопович насаждал совместно с Петром протестантские воззрения и тенденции в Русской Церкви, то другие малороссы, преимущественно воспитанники Киево-Могилянской академии, занимавшие высшие места в церковной иерархии, грешили иными отклонениями от традиционного русского православия.

Так, главный противник Прокоповича епископ Стефан Яворский, выступавший против протестантистского засилья в Церкви, зато сам находившийся под сильным влиянием католицизма, стал экзархом (блюстителем патриаршего престола), затем - Президентом Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода). Митрополит Димитрий Ростовский (в миру казак Даниил Туптало), составитель собрания излюбленного чтения грамотных россиян «Жития святых», поражался невежеству великороссов, в том числе и священнослужителей, и задавался вопросом: кого сначала просвещать – паству или пастырей. Епископ Иоанн (Максимович) был поставлен митрополитом Тобольским и всея Сибири. (Его епархия простиралась от Северного Ледовитого океана до Китая и от Урала до Камчатки). Его преемниками также были малороссы Филофей (Лещинский) и Павел (Конюшкович). Словом, как пишет Андрей Окара, произошла «украинизация церковной жизни в России». Немало украинцев заняло места и в других сферах управления государством. «В определённом смысле, – пишет тот же Окара в другой своей работе, – **Российская империя образовалась путём синтеза московской системы власти и киевской образованности, а имперообразовательной мистерией для неё стала Полтавская битва, значительно пошатнувшая положение украинской государственности**». Вообще украинцев отличали гораздо более тесные, чем у русских, земляческие связи, и где закреплялся один из них, он старался пристроить там же и других своих земляков. Это не означает, что все священнослужители-малороссы были недостаточно православными. Епископ **Иоасаф Белгородский** (в миру — Иоаким Андреевич Горленко), известный своими аскетическими подвигами, непоказным нищелюбием и благо-

ворительностью, даром предвидения, почитался по всей России как великий светоч православно-христианской веры. И это не было единичным примером.

Значительной стала прослойка украинцев и в русском монашестве (в гораздо меньшей степени – в белом духовенстве). Евгений Поселянин как бы попутно сделал несколько метких замечаний на этот счёт: Стефан Яворский «внёс с собою ту любовь к просвещению, которая составляла отличительную черту малорусского монашества...», но это просвещение, как мы увидим через несколько строк, украинцы, книжники и формалисты, понимали по-своему. В Великороссии были и архиереи, и священники - поборники просвещения, причём их отличало «горячее стремление к правде, правдолюбию и к праведности», но они не одобряли тех крутых мер, которыми Пётр ломал русскую жизнь. Немногие архиереи, как, например, Митрофан Воронежский, целиком поддерживали политику царя, направленную на возвышение России, и в то же время обличали его неправедные деяния, оскорбляющие чувства православных. Поэтому «при Петре, находившем мало сочувствия в северорусском духовенстве, архиереев на видные кафедры стали назначать большею частью из южнорусских монахов, которые были образованнее, живее и привычнее к Западу». При этом украинские епископы были поражены невежеством и великорусского народа, и великорусского духовенства. «Конечно, глубокое невежество духовенства было причиною такого положения дел в народе. Ведь народ этот был по-своему набожен, жаждал впечатлений духовных. Но никто не объяснял ему, в чём сущность веры».

И вот украинцы принялись за искоренение невежества русских: «Если древнерусская школа грамотности, давая ученикам православное настроение, обучала лишь чтению, письму и пению, то Ростовская школа святителя Димитрия была шагом вперёд, давая изучение греческого и латинского языка, на котором писалась вся тоедашняя наука». Но так ли уж поможет рядовому священнику (не богослову), а тем более жаждущему постижения глубин веры мирянину знание этих иностранных языков? Надолго станут для учащихся бурсы и семинарии эти языки ненавистными предметами зубрёжки. Но сам Димитрий был праведник, аскет, нестяжатель, каких среди украинцев было немного (противоположного толка архиереи - Феофан Прокопович и его круг). К тому же велики были его заслуги как автора «Житий святых», оказавших огромное положительное влияние на всю православную Россию того времени.

А вот какие интересные процессы происходили в среде монашества: «В одно время в (Троице-Сергиевой) Лавре была половина монашествующих великороссы, другая – малороссиян. Они образовали две партии, несочувствующие друг другу», более того, свидетельствующие о «неприязни двух народностей в составе Троицкой братии...» Это разделение не ограничилось только братией Лавры, и оно сохранилось надолго.

Когда на престол вступила Елисавета Петровна, Поселянин определяет её царствование как «истинно русское. После владычества немцев, при дворе стали видны исключительно почти русские люди. За 20 лет правления Елисаветы Россия отдохнула от всей пережитой ею тяготы». Елисавета, «несмотря на всю свою страсть к увеселениям, балам, спектаклям, нарядам, в душе была чисто русская девушка и была предана Церкви и всем её обрядам, как любая боярышня Московской Руси». Но, - свидетельствует Поселянин, «в эту эпоху спокойной своей жизни высшее духовенство чересчур предавалось роскоши и мало помышляло об удручении плоти. Так, соборные старцы и настоятели монастырей носили бархатные и шёлковые рясы, исподнее платье с пряжками серебряными и золотыми, обувались в шёлковые чулки. У Гедеоны Криновского, знаменитого проповедника, который был одно время настоятелем Сергиевой Лавры, помещицы более чем ста тысяч душ крестьян... были на башмаках бриллиантовые пряжки, ценою в 10000 рублей» (сколько это на современные деньги, я даже не представляю; наверное, многие миллионы).

Рядовые монахи старались не отставать от начальства: «Вообще, Лавра пользовалась изобилием во всём. Она славилась в то время медами, пивами и квасами. Виноградные вина выписывались бочками, рыбы свозились от собственной её рыбной ловли. Перед всенощной в северный и южный алтарь приносились вёдра с пивом, мёдом и квасом для клиросных... За всенощной в алтаре, после благословения хлебов, служащим подавали красное вино в чарах. Каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошего кагеру, штоф пенного вина, по кунгану (кувшину) мёда, пива и квасу».

Первым великорусским проповедником стал при дворе Елисаветы Петровны Гедeon Криновский, «чуждый риторики киевских проповедников, манерности в мыслях и слове, ясный, простой, всем доступный, черпавший доказательство не из силлогизмов, а из сердца слушателей... Радостно было также слушателям слышать чисто русскую речь там, где раньше раздавался всегда сильный хохлацкий акцент». К тому времени «грубый деспотизм малороссов-монахов очень уронил это звание в глазах даровитейших студентов». Но особенно русский дух в богословии проявился в жизни епископа Воронежского Тихона и его шести книгах «Об истинном христианстве»: «... он менее всего склонен был показывать фокусы богословской диалектики», которой часто «старались оживить богуословие после вредного для него влияния мертвящего духа киевской схоластики...»

Легко представить себе, как были восприняты монашеством изменения в церковной жизни, последовавшие после смерти Елисаветы Петровны и с восшествием на престол Петра III, который, несмотря на кратковременность своего царствования, успел, однако, обнаружить опасные для Православной Церкви намерения. Сразу по восшествии на престол он в частном порядке заявлял не раз о намерении сократить число икон в православных церквях, переодеть православное духовенство в одеяния немецких протестантских пасторов и принудить российское духовенство к брательничеству.

При Екатерине II в управлении Церковью происходило нечто непонятное: «в течение 10 лет (1763 – 1774) два синодских обер-прокурора высказывали в высшей степени странное отношение к православию. Первый из них, Мелиссино, предложил Священному Синоду снабдить синодального депутата в комиссию для составления уложения такими предложениями реформ церковной жизни: об ослаблении и сокращении постов, которые, за тяжестью их, «редко кто прямо содержит», об уничтожении суеверий касательно икон и мощей, о запрещении носить образа по домам, о сокращении церковных служб, для «избежания в молитве языческого многоглаголания», отмене составленных в позднейшие времена стихир, канонов, тропарей, о назначении вместо вечерен и всенощных кратких молен с поучениями народу, о прекращении содержания монахам, о дозволении выбирать из священников епископов без пострижения в монашество, о разрешении епископам проводить брачную жизнь, о разрешении духовенству носить «пристойнейшее» (?) платье, об отмене поминовения умерших, будто бы дающего простым людям лишний повод к вере в мытарства, а попам к вымогательству, о дозволении браков свыше трёх, о запрещении причащать младенцев до 19 лет, пока не научатся вере. Священный Синод отклонил эти предложения и составил свой собственный наказ».

Много лет назад знакомился я с идеями «обновленцев» в Русской Православной Церкви 1920-х годов. Тогда противники патриарха Тихона выдвигали, по сути, те же требования, что и Мелиссино. При этом они ссылались на опыт Церкви первых веков христианства. И вот я вдруг узнаю, что своего рода «обновленчество» существовало и в екатерининское время!

Продолжу цитату из книги Поселянина: Другой обер-прокурор, бригадир Чебышев «был совершенно неверующий человек и решался открыто... заявлять о своём неверии в бытие Божие; в присутствии членов Синода говорил «гнилые слова», и, пользуясь властью, задерживал издание сочинений, направленных против

распространяемого тогда модными писателями неверия».

Ну, что ж, что неверующий, но, возможно, чиновник отличный, может Синод в руках держать, императрице такие и нужны. И всё же, думается, простой такт, нормы приличия требовали от неё более уважительного отношения к высшему органу церковной власти. Следовало бы назначить на эту должность хотя бы формально верующего чиновника, либо неверующего (это его личное дело), но с запрещением говорить о своём неверии.

«Но, - продолжает Поселянин, - самыми грустными проявлениями церковной политики Екатерины было отображение в казну монастырских имений и введение монастырских штатов». Архиереи из великороссов, в отличие от выходцев из малороссийского монашества, вместо тщетных сокрушений о понесённых Церковью утратах, обдумывали пути устройства монастырской жизни в новых условиях. В оскудении монастырей «сёлами и виноградами», в их обнищании они открывали новые возможности для возрождения в них подлинно аскетического духа. В монастырях они вводили общежительный устав».

Но более всего развело русское и украинское духовенство отношение к государству. Идеал украинца – домик и вишнёвый садочек, идеал русского – могущественная Святая Русь. **Украинцы – народ хозяйственный, русские – народ политический**, что заметила даже чуждая русскому духу, но стремившаяся укрепить императорскую власть Екатерина II, сделавшая соответствующий выбор.

Итак, малороссийские монахи внесли вклад в приобщение русского духовенства и вообще грамотного общества к достижениям европейской культуры, как и к её недостаткам – схоластике, догматизму, диалектике как искусству словесной изворотливости, чувству избранности и т.п.

При этом первые «просвещённые» украинские деятели относились к «тёмным» русским ученикам и коллегам с высокомерием. И так было во всём. Хотя, объективно говоря, гордиться им было особенно нечем. Культура, какую они несли в Россию, не была их созданием. Это была культура Западной Европы, которую переняла Польша. А от Польши она, всё более адаптированная к условиям православного восточнославянского ареала, перешла к украинцам. Так что украинцы послужили в большей мере лишь передаточным звеном в процессе вестернизации (или, скорее, европеизации) России, начавшемся ещё до Петра I и в известной мере подготовившем почву для петровских преобразований.

Признавая вклад названных персон в русскую культуру и политическую жизнь, следует всё же иметь в виду, что, по мнению авторитетных специалистов, они способствовали отходу её от своего магистрального пути. Например, внедрение взятого с Запада партесного церковного пения остановило развитие прежнего русского музыкального строя. Даже великий Гоголь создавал литературные шедевры мирового значения якобы на русские темы, в действительности, не имевшие к русской жизни никакого отношения (см. об этом в Интернете мою работу «Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель»). Он противопоставлял холодный, жестокий, бесчеловечный Петербург и Россию Ноздрёвых, Собакевичей и прочих «мёртвых душ» (что вызывало тогда многочисленные протесты ряда представителей русской общественности) прекрасной Украине с её упоительными майскими ночами и могучим Днепром, до середины которого долетит редко какая птица. Он воспевал Русь как неудержимую «птицу-тройку», забывая, что бричка-то везёт прохиндея, «приобретателя» Чичикова. Русский идеал подвижника был Гоголю непонятен, и он нарисовал свой идеал – казака, который доблестно воюет, виртуозно орудует саблей и палит из ружья, добывает богатство, чтобы тут же спустить его в ходе весёлой пьянки и гулянки. Венцом антирусского творчества украинцев стала поэзия Тараса Шевченко, пронизанная ненавистью к «москалям» и призывами к мести этим оккупантам и угнетателям, закабалившим ранее вольное казачество («...вставайте, кайданы порвите и вражою злою кровью волю окропите!»).

Но в ещё большей степени, чем в церковной жизни, стал заметен рост влияния малороссов в сфере государственной службы, особенно придворной. При этом не всегда малороссы попадали в высшие сферы российской государственности в силу своей более высокой, чем у русских, образованности. Порой их возвышение объяснялось игрой случая. Не могу отказать себе в удовольствии привести разительный пример этого.

Тайным мужем императрицы Елизаветы Петровны был малороссийский пастух Алексей Разумовский (Розум), попавший в Петербург в церковный хор и поразивший тогда ещё царевну приятным голосом и красотой. Как говорится в его биографии, в день восшествия Елизаветы на престол он был пожалован *чином генерал-аншефа и высшими российскими орденами, а также несколькими тысячами душ крестьян*. А его брат, посланный в Европу учиться в университетах, по возвращении стал президентом Академии наук, генерал-фельдмаршалом и гетманом Украины.

И после Разумовских немало украинцев сделало головокружительную карьеру на русской государственной службе. При Екатерине II фактически руководил внешней политикой Российской империи «русский государственный деятель, малороссийский дворянин казацко-старшинного происхождения» Александр Безбородко. Он стал графом и одним из самых влиятельных лиц при дворе. Будучи страстным поклонником женщин, он вёл разгульную и легкомысленную жизнь, несмотря на огромное богатство (только крепостных крестьян у него было более 45 тысяч), был вечно в долгах. За два года до смерти Безбородко был удостоен Павлом I высшего по тем временам ранга канцлера Российской империи и возведён в княжеское достоинство с титулом светлости.

Александр I в первые годы своего правления опирался на небольшой круг друзей, который стали называть «Негласным комитетом». Одним из четырёх его членов был Виктор Кочубей, правнук генерального писаря Кочубея, казнённого Мазепой, и племянник и воспитанник Александра Безбородко. Он стал графом, членом Государственного совета, а затем - первым министром внутренних дел Российской империи. А при Николае I Кочубей стал председателем Госсовета и Комитета министров и был возведён в княжеское достоинство, а в 1834 году он стал канцлером по внутренним делам.

Малороссы и их потомки занимали видные государственные должности до конца существования Российской империи. Малороссы стояли также у истоков зарождения русского светского искусства, особенно музыки и живописи. При Елизавете принятый в Придворную певческую капеллу в Петербурге украинец Дмитрий Бортнянский стал одним из основателей классической российской музыкальной традиции. Он был послан на учёбу в Италию, а после возвращения в Россию назначен учителем и директором Придворной певческой капеллы. До сих пор Бортнянский справедливо считается одним из самых славных украинских композиторов, гордостью и славой украинской культуры, которого знают не только на родине, но и во всем мире.

Сына казака Максим Березовский получил высшее образование в Киево-Могиланской академии. За исключительные вокальные данные был послан в Петербург, где стал солистом в Придворной певческой капелле великого князя Петра Фёдоровича. 9 лет жил в Италии, куда был направлен для совершенствования. Но был возвращён в Россию и зачислен на скромную должность в Придворную капеллу. Оскорбленный, униженный, терпя бедность, нужду и всяческие неудачи, Березовский заболел горячкой и в возрасте 32 лет скончался. Березовский — автор духовных концертов, являющихся выдающимися образцами мирового хорового искусства XVIII века. Особенно широко известен его концерт «Не отвержи мене во время старости».

Недолго блистал и Артёмий Вёдель — украинский композитор (автор многоголосной церковной музыки) и певец (тенор), умерший в 38 лет. Более всего прославился своими 29 пышными хоровыми концертами, которые исполняются и поныне.

Украинцы внесли и весомый вклад в становление светской русской живописи. Сын священника Дмитрий Левицкий учился, а позднее и преподавал в Академии Художеств. Показал себя первоклассным мастером парадного портрета. Вершиной творчества Левицкого — и всего русского портретного искусства XVIII века — стала серия портретов воспитанниц Смольного института благородных девиц. Серия «Смолянок» — шедевр мирового искусства. А на портрете Екатерины II она представлена величественной мудрой и просвещенной законодательницей. Художник также создал уникальную портретную галерею деятелей русской культуры. Владимир Боровиковский, сын казака из Миргорода, переехал в Петербург, где он приобрёл славу выдающегося портретиста.

«Украинцы чрезвычайно индивидуалистичны, - пишет украинский журналист Александр Кривенко. – *Американские негры, китайцы, русские – мальчики, если сравнивать их с эгоизмом украинцев. Каждый украинец убеждён, что является самодостаточной личностью, остальные на порядок ниже*» («НГ», 26.01.2000). Это не мешает им держаться на чужбине, в том числе и в России, некими кланами. **Украинцы – хорошие хозяева** («АиФ», № 32, 1997). Журналист Игорь Малашенко признаёт: *«Даже такой близкий русским этнос, как украинцы, обладает совсем иной национальной психологией... По своему этносоциологическому складу украинцы более европейцы, чем русские, которым, в общем-то, чужд пафос собственного противопоставления другим этносам»* («НГ», 21.11.1991). Образованные украинцы в большинстве своём всегда были носителями прозападных воззрений. Они с момента вхождения Украины в состав России и до наших дней в большинстве своём сначала неосознанно, а затем и открыто стремились к отделению от империи и вхождению в ряды «цивилизованных стран», то есть государств Западной Европы. А Киев стал проводником западного влияния в России.

Гоголь к числу таких «цивилизованных малороссов» не принадлежал, Европу он повидал и уже предвидел её скорую духовную смерть (за исключением, может быть, любимой Италии, - см. его отрывок «Рим»). Он хотел единства Украины с Россией на украинской основе. В этом его отличие от своего современника Тараса Шевченко. Как отмечали критики, для Шевченко столица России Петербург – это этический полюс абсолютного зла, город-упырь, болотный Ад, противопоставляемый «городу на холмах» - Киеву-Иерусалиму. Гностически-манихейское отношение Шевченко к Российской империи как к носительнице метафизического зла в значительной степени будет определять ценностные ориентиры послешевченковского украинского национализма. (В действительности, как показал недавно погибший от рук украинских националистов замечательный украинский историк и писатель Олесь Бузина, Шевченко вовсе не был заклятым русофобом, долго жил в Петербурге и значительную часть своих произведений писал по-русски.) Однако именно в отношении к Петербургу как к городу-морю, городу-призраку Гоголь с Шевченко сходны абсолютно.

Большинство украинских интеллигентов согласно с выводом Владимира Петрука, автора книги «Страна Великочудия» (так он называет Россию): **«русские с украинцами только соседи, но ни в коем случае не родственники и тем более не братья»**. (Как видим, сходные высказывания современных украинских националистов возникли не на пустом месте, и стихи Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» выглядят стихотворным переложением давно уже высказанного.) Так же оно убеждено в том, что «Гоголь – прежде всего украинский писатель (тогда как украинка Анна Ахматова – совершенно русская)» («АиФ», № 32, 1997).

Специалисты отмечают, что близкие ко двору и ведающие просвещением русских украинцы того периода оказали большее и не всегда благотворное влияние на развитие русского языка, литературы и искусства. Перекосы, порождённые влиянием украинцев, в музыке пришлось выправлять Глинке и композиторам «могучей кучки», а в литературе - Ломоносову, Державину, Пушкину. И так во всём.

Разумеется, происходило и взаимное обогащение культур наших двух народов. В России, даже в простонародье, широкое распространение получили украинские песни. Учителя и ученики не раз менялись местами. Основоположник украинской национальной музыкальной школы Николай Лысенко учился в Лейпцигской консерватории. Там он понял, что важнее собирать, развивать и создавать украинскую музыку, чем копировать западных классиков. И всё же он счёл необходимым учиться в Петербургской консерватории. Многие русские композиторы (в том числе и Чайковский) черпали вдохновение и широко использовали украинские мелодии в своих произведениях. И в советский период русская и украинская культуры развивались параллельно, влияя друг на друга.

Но вот что интересно: по мере того, как малороссы включались в российскую элиту, государственная власть империи принимала всё более решительные меры по искоренению самого понятия «украинцы» и украинского языка (причём государственные служащие-украинцы проводили эту политику с большим рвением). Украинские историки составили целую энциклопедию материалов на этот счёт, многие её материалы есть в Интернете. Но украинский народ и здесь проявил необыкновенную стойкость и, несмотря на все гонения, упорно придерживался своего языка, развивал свою культуру. Вот где вполне оправдалось суждение: язык и народ – неразрывно связанные явления. А почему российская власть так преследовала украинский язык и культуру? Потому что опасалась, что украинский язык подогревает украинский национализм и сепаратизм. Империя требует единообразия, а отдельные народы со своими языками часто думают о независимости.

У нас часто говорят о тесных связях русского и украинского народов. Но беспристрастный взгляд на историю показывает, что до XX века эти связи не были столь уж тесными. В то же время игнорируются многовековые связи украинцев с Западной Европой. Украинские интеллектуалы часто получали образование в католических и протестантских учебных заведениях Европы. Для них свет, образованность, культура обхождения шли с Запада, а не с Востока, и Россия долго оставалась для них (а для многих остаётся и по сей день) варварской азиатской страной. Такое отношение (или его пережитки) всегда существовало в украинской элите, а не возникло за последние 25 лет.

Как писал Алексей Плотыцын, Россия является отдельной цивилизацией, подобно исходно католической Европе, исламскому миру, Индии или Эфиопии. Этот мир (Россия) ощущал и определял сам себя через оппозицию и ненависть к «латинству», то есть к Европе. Даже отношение к «бесерменству» (исламскому миру) носило значительно более миролюбивый характер.

Эта цивилизация считала (да и продолжает считать), что несёт в себе некий свет и надежду для всего человечества, некий палладий – будь то православие, крестьянская община или марксизм-ленинизм. Содержание не так важно – важно противопоставление Западу. Понятно, что идеалы - Украина «цэ Европа» и Россия-Антиевропа несовместимы. Понятно и то, что украинская элита в основной своей массе должна относиться к России с ненавистью. И потому **вечная освободительная борьба украинцев приобретает явные черты антирусской**. Можно вспомнить хотя бы Котляревского, сочинившего, казалось бы, невинный пародийный бурлеск – переложение классической «Энеиды» на «малороссийский» манер. Но более-менее внимательный взгляд легко определит, кто скрывается под именем «греков», разрушителей великой вольной Трои, из которой сумел бежать Эней с горсткой сподвижников. (Потом этот Эней, как известно из преданий, станет родоначальником римлян, которые сполна возьмут у греков реванш! Имеющий уши да слышит.)

Но окончательно украинское национальное самосознание оформилось в личности Тараса Шевченко (как и русское того времени – в лице его старшего современника Пушкина), который прошёл через российскую выучку и солдатчину, но так и не принял в себя ничего москальского, доказав, что украинец может овладеть высотами мировой культуры и остаться украинцем. В этом

— секрет его вечной популярности у соотечественников. Наверное, никакая другая книга в истории не оказала такого влияния на свой народ, даже, можно сказать, сформировала его, как «Кобзарь» Шевченко, проникнутый духом русофобии. Как уже отмечалось выше, для Шевченко столица России Петербург — это этический полюс абсолютного зла, город-упырь, болотный Ад, противопоставляемый Раю, «городу на холмах» - Киеву-Иерусалиму. Гностически-манихейское отношение Шевченко к Российской империи как к носительнице метафизического зла в значительной степени будет определять ценностные ориентиры послешевченковского украинского национализма.

Не стану останавливаться на принудительной русификации Украины при (особенно трёх последних) царях династии Романовых, которые вообще принципиально отрицали существование украинского народа и украинского языка, как и на других проявлениях угнетения украинцев в предреволюционной России. Отмечу лишь, что украинская элита, за немногими исключениями, изначально была нацелена на вхождение в «цивилизированный мир», в Европу, и смотрела на Россию глазами европейцев, то есть как на варварскую страну. То, что в советский период ей это приходилось скрывать, ныне проявилось открыто. Это не экономический, а цивилизационный выбор. И изменить это положение, соблазняя её экономическими выгодами, невозможно. Тут нужен совсем иной подход.

Но многие украинцы верят в успех своей национально-освободительной революции и в предстоящий расцвет своей Родины. Дескать, не без жертв, но победили Английская, Французская и многие другие революции. Ныне на Украине не модно вспоминать советский опыт. Но всё же те, кто постарше, могли бы сослаться на исторический прецедент. Дескать, в Гражданскую войну 1918 — 1922 годов наспех сколоченная и плохо оснащённая Красная Армия разгромила до зубов вооружённых белоохранителей и помогавших им иностранных интервентов, а затем, в 1920-е годы, в разорённую, страдавшую от голода и холода Советскую Россию ехали люди разных профессий и различного социального положения со всех концов планеты, чтобы увидеть своими глазами, как строится Новый мир справедливости и равенства. Среди них были и ведущие интеллектуалы, и художники Запада, и некоторые из них оставили восторженные отзывы о трудовых подвигах рядовых тружеников и достижениях Страны Советов на поприще культуры. Но эта историческая аналогия явно хромает.

В Советской России был не только русский народ-государственник, но и элита, хотя не совсем ему адекватная, но всё же идейная и (чем дальше от Октябрьского переворота, тем в большей степени), не нацеленная на воровство. Ленин был величайшим революционным политиком в мире 1917 — 1921 годов. Да, он был фанатом мировой революции, а не российским государственником. В 1918 году он одобрил подписание с немцами чудовищного, похабного Брестского мира, уступив врагу территории от Пскова до Кавказа. А через год он (с согласия своего ближайшего окружения) выразил намерение принять «План Буллита», отправленного в Москву президентом США Вильсоном. По этому плану Россия должна была быть расчленена на 120 государств, причём Советская Страна сокращалась до Московской и Петроградской губерний плюс узкой полоски вдоль Волги до Каспийского моря. Он легко мог обещать передачу Камчатки Америке. (В последние годы появились солидные труды, основанные на подлинных фундаментальных документах, прежде замалчиваемых, освещающие эту сторону деятельности Ильича.) Но он поступал так не из личных корыстных побуждений, а рассчитывая на вдохновляющий пример Великого Октября, который послужит началом скорой мировой социалистической революции. Ему казалось, что достаточно иметь Москву с радиостанцией, через которую ленинцы могут вещать на весь мир, поднимая пролетариат всех стран на штурм капитала, и этого достаточно на короткое время до всеобщего выступления мирового пролетариата. А Советская Россия выдержит любые,

самые похабные условия мира, навязанные ей мировым империализмом. Ленин пошёл на введение НЭПа и использовал его для восстановления рыночных (капиталистических) отношений в Советской России. Как личность, Ленин был далёк от идеала. Но никто не упрекнёт его в том, что он был вором или коррупционером. Ну, а о Сталине и его наркомках и говорить нечего. Если они имели служебные дачи и легковые автомобили, то такие, что не только нынешние олигархи, но и просто состоятельные дачники над такими «дворцами» и «тачками» просто посмеялись бы. Воровство казённых средств существовало, как и почти везде в мире. Но, как только его обнаруживали, виновных сурово карали. О зарубежных банковских счетах никто тогда и подумать не мог.

На Украине картина совершенно иная. Там не только народ лишён инстинкта государственности, но и элита устремлена прежде всего на личное обогащение, на деньги (и на очень большие деньги), а уже одно это лишает её способности адекватно оценивать происходящее в стране и мире и бескорыстно служить Отчеству. Ещё Аристотель различал аристократов, лучших людей, думающих о государстве, и олигархов, использующих ради личного обогащения любые методы, в том числе и сопряжённые с причинением вреда государству. Да, народ возмущается наглым разбазариванием олигархами и чиновниками государственного бюджета. Но это возмущение больше вызвано не тем, что разворована казна, а тем, что украденное досталось жулику, а не ему, возмущаемому.

О характере нынешней украинской элиты красноречиво говорит полемика, развернувшаяся вокруг заявления, с которым уже в июне 2016 года выступил глава Донецкой областной гражданско-военной администрации Павел Жебровский. В нём он выразил уверенность в том, что Украина должна вернуть свои «исконные» земли. А к ним он отнёс Ростовскую, Брянскую, Курскую, Воронежскую области и Краснодарский край. Ибо в этих регионах живут люди с украинской ментальностью и «украинской сущностью». Тем самым возрождена концепция «большой Украины», сформулированная ещё первым председателем почившей в Бозе Центральной Рады Украинской народной республики Михаилом Грушевским. Но она уже тогда показала свою полную несостоятельность, поскольку принимала во внимание лишь так называемую «этничность» (язык, одежду, обычаи), но не учитывалось национальное самосознание. Но меня в данном случае интересует не это, а время, выбранное для столь экстравагантного заявления.

Украина потеряла Крым, теряет Донбасс, готовятся к отделению Галиция и Закарпатье, усиливаются пророссийские настроения в Одесской, Запорожской, Херсонской и других областях. Разваливается экономика, распадается армия, всевозможные добровольческие батальоны не подчиняются ни президенту, ни правительству, зато терроризируют население, на что даже вынуждена была обратить внимание ООН. Время ли сейчас для новых завоевательных походов (ясно, что добровольно Россия эти земли Украине не отдаст)?

Но эксперты, принявшие участие в дискуссии, убеждены, что Жебровский ни о каких походах и не думает. Его заявление — это заявка на предмет торгового. Конечно, тут сказывалось и желание поддержать украинский национализм, который у многих граждан этой страны постепенно выветривается, подбодрить тех, кто теряет веру, внушить им, что Украина не только вернёт утраченные земли, но и приобретёт новые, хлебные и промышленно развитые, но это не главное. А главное — торговля. Дескать, Украина выдвигает территориальные претензии к России и требует от неё уступок в политической или экономической сфере, будь это согласие на международный арбитраж по Крыму, согласие на ввод на линию разграничения войск ВСУ и ВСН и на российско-украинскую границу полицейских подразделений ОБСЕ или цена на газ). Пойдёт Россия на уступки (она много раз на них шла, почему бы не попробовать ещё раз), украинские националисты пообещают (пока) не требовать вернуть им Кубань. А взамен Россия будет содержать украинскую элиту, долгои вкусно её кормить. Часто говорят, что

«украинская ментальность» в понимании националистов имеет преимущественно сельские корни. Это правда. Только не следует забывать, что она имеет корни и в мышлении элиты запорожского казачества - мастеров набегов, грабителей и мародёров. Не зря говорили, что польский шлязтич, проматвавшийся на пух и прах, перед походом на заорощев занимал злотые и надевал самый лучший свой наряд. Чтобы, если его убьют, победитель-запорожец, снимая с трупа дорогой наряд иобшарив карманы, найдёт злотые и будет знать, что сражался не с безродным наёмником, а с благородным польским рыцарем. Элита запорожцев воспитывалась историей как перевёртыши, менявшие врагов и союзников в зависимости от складывавшейся на дный конкретный момент международной обстановки, и нередко вчерашний враг становился сегодня союзником, а вчерашний союзник - врагом. Вообще-то так поступали и государства более крупные, чем маленькая Сечь. Но обычно для такого изменения политической ориентации требуются годы, а казацкой элите приходилось прибегать к нему чуть ли не ежечасно.

В телевизионной передаче «Право голоса» на канале ТВЦ 11 июня 2016 года представитель Крыма Колесниченко упрекал украинскую элиту, гетманов и их окружение в том, что они никогда не руководствовались государственными соображениями, а всегда думали лишь о собственных выгодах, личном обогащении. Потому и казацкая старшина превращала рядовых казаков в работников в её имениях ещё до того, как Россия ввела на Украине крепостное право. Инстинкту государственности на Украине просто неоткуда было взяться. Поэтому я не очень верю в успех украинской революции.

Можно предполагать: если бы Украина вступила в союз с Россией, стала членом Таможенного союза, то она скоро заняла бы законно в этом сообществе второе место после Российской Федерации, как это было в СССР. Но, на мой взгляд, подобное развитие событий исключено ныне (и, по крайней мере, на ближайшие 30 – 50 лет). Ну, а если Украина не только потеряет Донбасс, но ещё и её оставшаяся часть распадётся на несколько государств или автономных районов, то всё изложенное выше приобретёт гораздо более мрачную окраску.

Всё это надо знать, чтобы понять глубинные истоки того, что ныне происходит на Украине. Но большинство россиян (и «низы», и «верхи») этого не знает и, кажется, знать не желает. И с таким «знанием» Россия пытается решать «Украинский вопрос»?

В заключение вернусь к самому началу данной работы. Исследованию татаро-монгольского ига у нас посвящены тысячи книг и статей, а о гораздо более продолжительном, 378-летнем, гнёте германцев над славянами Новгородско-Киевской Руси в течение всех последних 900 лет ни словом не обмолвился ни один историк, из-за чего вся картина развития нашей страны за период существования письменности остаётся искажённой (Если не считать того факта, что Василий Татищев считал мифом татаро-монгольское иго, зато ввёл термин «франко-германское иго»). Не пора ли положить конец этому историческому беспамятству?

Несмотря на все сложности в современных отношениях России и Украины и на многие отмеченные мной неблагоприятные поступки украинцев, я люблю Украину и её культуру, её народ, порой бесшабашный, но голосистый, проникновенно поющий и виртуозно пляшущий и обладающий многими другими достоинствами, вечно борющийся, даже начинавший войны за свою свободу и независимость и никогда их не достигающий. При этом я весьма скептически отношусь к перспективам становления украинской государственности вне союза с Россией. А в союзе с ней метаниям, изменам и вероломству украинской верхушки был бы положен конец, а трудолюбивый украинский народ без этих возмущений мирно строил бы процветающую Родину.

Но моя любовь к Украине и убеждение в неизбежности и необходимости союза Украины и России основаны не на одних эмоциях и симпатиях. Мне представляются пророческими слова Гоголя, который писал своим московским друзьям: *«Скажу вам одно слово насчёт*

того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохоже одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершенное в человечестве».

То есть, то самое «новое слово», которое, как ожидали русские классики-патриоты, должна была произнести Россию в интересах всего рода людского, по Гоголю, она могла сказать только после того, как объединятся лучшие черты русского и украинского национальных характеров. А это такая исторически важная задача, ради которой стоит потрудиться и нам, и нашим соседям-украинцам.

Но вопросу о том, что надо предпринять для восстановления, казалось бы, навеки разрушенного союза России и Украины, должна быть посвящена отдельная работа. ▲

**«Сам не знаю,
какая у меня душа,
хохлацкая или русская.
Знаю только то,
что никак бы не дал
преимущества
ни малороссиянину
перед русским, ни русскому
перед малороссиянином.
Обе природы слишком
одарены Богом,
и, как нарочно,
каждая из них порознь
заклучает в себе то,
чего нет в другой — явный
знак, что они должны
пополнить одна другую.
Для этого самые истории
их прошедшего быта даны
им непохоже одна на другую,
дабы порознь воспитались
различные силы
их характеров, чтобы потом,
слившись воедино, составить
собою нечто
совершенное
в человечестве...»**
Н.В. Гоголь